

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЯ КЬЮТ
ЦЕНА СВОБОДЫ

Аля Кьют
Цена свободы
Серия «Цена», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67359587

SelfPub; 2022

Аннотация

Отношения Кирилла и Дарины выходят на новый уровень. Она уже не просто игрушка, а нечто большее и ценное. Да и он не тот отстраненный и деспотичный хозяин, каким казался поначалу. Сейчас самое время, чтобы узнавать друг друга заново! Но беда может прийти не только изнутри. Их сближение не оставят без внимания ни враги, ни друзья.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Самолет	4
Глава 2. Артур	13
Глава 3. Половинки	32
Глава 4. Казань и после	41
Глава 5. Прием	65
Глава 6. Тихо и горячо	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Аля Кьют

Цена свободы

Глава 1. Самолет

Дарина

Утро встретило нас суматохой сборов. Мы почему-то опаздывали и злились. Вернее, опаздывал и злился Кирилл, а я старалась не попадать под горячую руку. Обычно собранный, прагматичный и спокойный Салманов носился бешеным шмелем по всему дому, вспоминая, что забыл сложить в багаж или взять из офиса. Моего Хозяина как подменили.

Я выкатила чемодан к двери и сидела на диване тихо как мышка, чтобы, не дай бог, не нарваться. А Кирилл все ходил и ходил, ворчал как старый дед, поднимался на второй этаж, заходил на кухню, даже в мою комнату заглядывал. Не знаю, сколько бы длился этот бессмысленный и беспощадный час, если бы не прибыл Николай. Он не ждал в машине, как обычно, а зашел в дом. Сдержанно поприветствовав, водитель без лишних церемоний сходил на второй этаж, вернулся оттуда с чемоданом Кирилла, а самому Салманову бросил небрежно:

– Поехали, Кир Олегыч. Время.

Я слегка обалдела от такого поворота событий. Думала, Салманов сейчас орать начнет, беситься, но тот лишь об-

реченно выдохнул, кивнул мне, отправляя одеваться. Через минуту мы сидели в машине, но едва выехали на трассу, Кирилл завопил:

– Коля, возвращаемся! Я забыл...

– Паспорт, билеты, деньги?

– Нет, я...

– Плиту выключить?

– Нет.

– Утюг? Так я его выключил сам, когда поднимался.

– Какой утюг к чертям? Я его вообще сто лет не видел, мне вещи в прачечной отпаривают.

– Вот видишь, Кир Олегыч, нет никаких причин возвращаться. Вали в свою Казань спокойно.

Я едва ли верила своим ушам. Это была самая длинная речь от Николая за все то время, что я его знала. А потом он еще и добавил:

– И не напивайся до соплей. Вам лететь всего ничего, а Даринка тебя не дотащит до машины.

Салманов на это ответил неразборчивым потомком ругательств себе под нос. Ого, даже не одернул Колю. Похоже, водитель не первый раз проводит такую разъяснительную работу с боссом. Меня напрягли упоминание алкоголя и перспектива тащить Салманова до машины. Я сама летела впервые, но не испытывала по этому поводу ничего, кроме легкого волнения. Скорее боялась, что заблужусь в аэропорту, не найду нужный выход, и пьяный Салманов не сможет мне

помочь. О поддержке во время полета не стоило и мечтать. Мне оставалось только молиться.

В аэропорту все прошло достаточно спокойно. Я делала все то же, что и Кирилл, старалась не отставать и не приставать к нему с расспросами, хотя мне все было ново и интересно. Но Салманов выстроил вокруг себя почти осязаемую стену, которую мне не стоило даже пытаться пробить. Перед посадкой Кирилл влил в себя полстакана виски. Я очень надеялась, что это не та доза для здорового мужчины, чтобы окосеть, и он будет в сознании, когда мы приземлимся.

Комфортные места бизнес-класса приятно удивили. Услужливая стюардесса сообщила, что можно будет перекусить и выпить что-нибудь после взлета. Кирилл в резкой форме отказался от всего. Я пожала плечами, вежливо улыбаясь.

Во время взлета Салманов вцепился в кресло так, что пальцы побелели, и долго не отпускал, даже когда разрешили расстегнуть ремни. У меня не было сил смотреть, как он сосредоточенно глазеет в одну точку. Я погладила его по руке.

– Мы взлетели. Все в порядке, – проговорила я тихо.

Салманов моргнул, повернулся ко мне.

– Да. Хорошо, – бросил кратко и, наконец, разжал пальцы. Он достал повязку для сна, нацепил на глаза. – Я бы хотел поспать. Будь добра, не мешай.

Не дождавшись ответа, Кирилл натянул повязку на глаза, откинул голову, опустил кресло.

Я снова включила режим тихой мышки. На борту был даже вай-фай, и я весь полет изучала Казань, просматривала виды, достопримечательности, читала об истории города. Но все равно поглядывала на Кирилла, который не спал. Это я знала абсолютно точно. Он просто закрылся и переживал, похоже, свой собственный ад.

Кирилл сдёрнул повязку и пристегнулся даже раньше, чем мы стали заходить на посадку, и снова вцепился в кресло. Я не выдержала и накрыла его руку своей. Он вздрогнул, но не возражал, а когда мы начали снижаться, Кирилл переплел наши пальцы и не отпускал, даже когда мы сели. Выходя из самолета, Салманов продолжал держать меня за руку и отпустил, только когда нужно было забирать чемоданы с ленты багажа.

На выходе нас встречали. Кирилл поздоровался за руку с человеком, которого представил как Рустема. Он чем-то неувовимо напомнил мне Николая, и я почти не удивилась, узнав, что это наш водитель. Рустем помог Кириллу с чемоданами и сел за руль Мерседеса S-класса. Мы устроились на заднем сиденье, и я почти сразу почувствовала, как ладонь Кирилла накрыла мою. Повернув голову, я увидела, что он снова стал собой. Спокойный, расслабленный, чертов король жизни. Таким он мне нравился больше, хотя тот псих с трясучкой и вращающимися, как у хамелеона, глазами, был больше похож на человека. У Кирилла есть страхи и слабости – это открытие приятно удивило.

В гостинице Салманова встречали как старого доброго друга. Его все звали по имени отчеству, раскланивались по три тысячи раз. Нас проводили в шикарные апартаменты. Собственно, а какие я еще ожидала?

Кирилл упал в кресло и сидел несколько минут, словно окончательно заземлялся. А я сразу открыла чемодан, вынула платье, позвонила на ресепшен, чтобы заказать глажку, распустила волосы и собиралась пойти в душ, когда Кирилл поймал меня за руку, усаживая на колени.

– Спасибо, что обратно мы поедем поездом, – проговорил он, уткнувшись носом мне в шею.

– Ты знаешь, умереть в автокатастрофе намного больше шансов, чем в крушении самолета.

– Угу, – буркнул он. – Но поезд вроде самый безопасный транспорт. Признаться, я бы не хотел пополнять ни одну из этих статистик.

– Никто не хочет.

Я вздохнула, невольно вспоминая родителей. Кирилл прижал меня к себе крепче.

– Мои родители погибли в дорожной аварии, – проговорила я.

– Знаю, малыш. Мне жаль.

Объятия стали еще теснее.

– У тебя кто-то...

Я не успела договорить, как он аккуратно встал вместе со мной поставил на пол.

– Ты в душ собиралась? Я отдам горничной платье, когда придет.

Дальше можно было не продолжать расспросы, и я послушно отправилась мыться, стараясь игнорировать нелепую обиду и разочарование.

Раздевшись, я вошла в огромную душевую, включила верхнюю большую лейку и стояла под горячим водопадом, стараясь смыть с себя запах дороги и избавиться от напряжения. У нас было больше двух часов в запасе, и мне не хотелось спешить и нервничать. Особенно после утренних треволнений.

Не успела я протянуть руку за гелем, как дверцы открылись, и ко мне присоединился Кирилл.

– Ты долго, – проговорил он нейтрально.

Я не могла понять, упрекает он меня или просто констатирует факт.

– Твое платье готово.

– Спасибо.

Было бы похоже на светскую беседу, если бы мне в попу не упирался его член.

– Я подумал, что можно сэкономить время, если примем душ вместе, – замурлыкал Кирилл, выдавливая на ладони ароматный гель для душа и скользя по моим плечам.

– Разве не экономичнее, если бы ты воспользовался второй душевой?

– Да, но так мы экономим воду.

– Ты не платишь за нее.

– При чем тут деньги, Дарина? – возмутился Кирилл. – А мировой океан? Экология? Нужно мыслить глобально.

Я не сдержалась и прыснула.

– Я сказал что-то смешно?

Салманов напустил в голос суровости, но я знала, что он придуривается.

– Нет, просто вода в рот попала, – подыграла я.

– Может быть, я найду способ, чтобы вода в рот не попала?

Я развернулась к нему лицом. Кирилл не приказывал, он позволял мне выбрать: играть или не играть. Ну, или сосать, или не сосать. Принцу Датскому такие варианты и не снились.

Слова сорвались с губ быстрее, чем созрело решение.

– Позвольте служить вам, Мастер.

– Да, девочка, – откликнулся он моментально.

Я опустилась на колени и провела по его эрекции, сжала, размазала пальцем влагу по головке. Кирилл зашипел.

– Не надо дразнить меня, детка. Я не в том настроении. Руки назад.

Я послушно завела руки за спину.

– Расслабь горло и дыши носом. Главное поймать ритм, – наставлял Салманов.

Я приготовилась к глубокому минету. Один раз я уже пыталась освоить эту науку, но вышло так себе. Но то ли звезды

сошлись, то ли я поймала тот самый ритм и смогла расслабиться, позволяя ему погружаться в меня почти до конца. Я сосредоточилась на его движениях и своем дыхании, но не успела насладиться триумфальным ощущением победы, как Кирилл кончил.

Сказать, что это было быстро и внезапно, значит не сказать ничего. Обычно Салманов предупреждал, понимая мою неопытность. И трахать мой рот он любил долго. Говорил, это часть тренировки и удовольствие одновременно. А тут...

Кирилл резко выставил руки и уперся ладонями в стену. Как будто собирался рухнуть без сил и едва успел упереться.

Я села на пятки, вытерла рот от слюны, не зная, как реагировать, пора ли паниковать или вызвать скорую? Как камень с души свалился, когда Кирилл тихо засмеялся.

Как говорится, спасибо, что живой.

– Спасибо, малыш. Я думал, глаза лопнут, – хохотнул он. – Вымой меня.

Я опешила.

– У тебя проблемы с моим приказом, Дарина? – как обычно уточнил Кирилл, когда я начинала тупить.

– Нет, Мастер. Простите.

Я потянулась к запечатанной губке, но Салманов остановил.

– Руками, Дарина. И как следует.

Душ превратился в эротическое шоу. Причем обоюдоострое, потому что, как только я закончила мыть Кирилла (ВЕЗ-

ДЕ! Черт побери), он занялся мной. Если я действительно старалась избавить его от грязи, то этот демон устроил мне какое-то беспощадное шоу дразнилок, щекотки и царапки.

Я скучала по его рукам, по ласкам, вниманию, но один взгляд на Кирилла, и сразу стало понятно, что нет смысла даже просить об оргазме. Он наслаждался процессом и точно не позволил бы мне кончить. Я терпела, стиснув зубы, стараясь не поддаться печальным мыслям снова. Когда-нибудь Кирилл Салманов перестанет на меня злиться.

Я не удивилась собственным эмоциям, не пыталась врать самой себе. Уже не в первый раз возбуждение перемешивалось с чувствами. Именно поэтому я так остро желала, так сильно хотела. Меня пугало это. Я ведь не планировала влюбляться в своего хозяина-демона. Но... Хочешь насмешить Бога – расскажи о своих планах.

Глава 2. Артур

Салманов

Глаза лопнут? Я сказал это вслух? Серьезно? Своей покорной! Потрясающе просто. Блеск. Чертов перелет. Я чувствовал себя препаршиво без седативных, но закинуться таблетками не мог из-за Дарины. Она летела первый раз, и мне нужно было оставаться хоть в каком-то подобии трезвого ума во время полета. Поэтому пришлось пойти на компромисс в виде виски.

Но мог бы и не пить. Без толку. Зато Дарина стала моим лекарством. Я закрылся от нее, чтобы не показать всего ужаса, который испытывал, но все равно старался прислушиваться. Она перенесла полет нормально, а я почти так же, если не считать голоса и шарик. Все мои нервы во время полета превращались в шарик, который кто-то пружинисто запускал в пустую комнату, где он отскакивал от стен, ища выход.

Мама, мы умрем?

Все будет хорошо, Киренька.

А я знаю, что она врет, потому что сама в ужасе, хоть и старается унять дрожь в голосе.

Я знал, если голоса и шарик найдут выход, меня накроет панической атакой. Поэтому сосредоточенно держал дверь в комнате своих страхов закрытой. Я мог летать, вполне, но

это всегда было испытанием, проверкой на прочность.

Дарина обеспечила мне какой-то люфт. Она была как подушка. Я падал, но знал, что не разобьюсь. Подумать только, меня должна была поймать маленькая глупая девчонка. Дожил, вашу мать.

Более или менее я пришел в себя только в гостинице, но если от трясучки я смог избавиться, тот от потребности в Дарине едва ли. Она была нужна мне. В воздухе, на земле, в воде. Куда она там пошла? В душ? Я тоже хочу. Оказалось, мне надо было кончить, чтобы совсем унять нервы, и минет в этом деле лучший помощник, вкупе со сладким ртом моей девочки.

Я скучал по ней. Отчаянно, как оказалось. Психоз после самолета наложился на воздержание, а усугубилось все моим изумлением. Дарина приняла меня ртом почти до конца. Раньше не получалось. Едва ощутив это, я кончил.

Доминирование и контроль.

Ага, десять раз.

Чтобы немного прийти в себя и вернуть уверенность, я немного поиграл с девочкой в душе. Она хихикала и лгнула ко мне, пытаясь потереться о мои руки сильнее.

Увлечшись играми, я совсем забыл предупредить ее об Артуре, а в машине это делать точно не стоило. Рус, хоть и в курсе специфических привычек своего работодателя, но я не хотел ставить его в неудобное положение как невольного свидетеля личной беседы.

Поэтому решил поговорить в номере, пока будем одеваться. Дарина как чувствовала, что встреча важна для меня, и сама спросила:

– Как мне следует себя вести за ужином?

– Свободно, – тут же ответил я ей. – Но держи язык за зубами и без этих ехидных шуточек, Дарина. Меня они забавляют дома на кухне, но Артур – Мастер строгих нравов, и ему может быть неприятна твоя болтовня, а тем более, дерзость.

– Мастер? – охнула Дарина. – Он тоже..?

– Да, он доминант, девочка. Думаю, тебе стоит знать, что он был моим наставником. Собственно, и сейчас им остается. Я его бесконечно уважаю и ценю как старшего товарища. Кроме того, мы плотно завязаны по обороту капитала. Артур – серьезный человек со всех сторон.

– Я поняла.

Она надела платье и повернулась ко мне спиной, прося застегнуть молнию. Забавно все же... Ей не нужно что-то говорить, я все прекрасно понимаю без слов. Также как и она, часто чувствует меня и откликается не пустой болтовней, а действиями на мои эмоции.

Чем больше времени мы проводим вместе, тем острее я ощущаю эту незримую связь между нами. С каждым днем она становится все сильнее. Черт, будет тяжело отвыкать от этого через год. Ни одна моя покорная не была такой восприимчивой, отзывчивой, понимающей.

Дарина повернулась ко мне лицом, благодаря улыбкой за услугу, а еще она хотела, чтобы я оценил ее вид в платье. Я тут же вспомнил, как она стояла в нем посреди гостиной, но не довольная и не терпеливая, а испуганная. Мне не хотелось, чтобы вещь несла в себе воспоминания о боли и отравляла настроение моей покорной, поэтому обязан был спросить:

– Ты уверена, что хочешь его надеть?

– Да. Оно мне нравится. И нравится Вам, поэтому я уверена на двести процентов.

– Ты не связываешь его с наказанием?

– Нет.

Я недоверчиво сверлили ее глазами, и Дарина решила мне объяснить подробнее.

– Когда я покупала его, то совсем не думала об ужине, о том, что должна в нем хорошо выглядеть, нравиться тебе и твоему другу. Я взяла его, потому что консультант сказала, что оно для меня идеально. Я заплатила твоими деньгами и не заботилась о такой дорогостоящей вещи. Это было неправильно. Теперь я хочу носить его и знать, что нравлюсь тебе. Меня не волнует, что я была в нем в игровой и сняла, чтобы принять наказание. Я больше переживала, как бы оно порвалось или испачкалось. Но если тебе неприятно видеть меня в...

– Мне приятно, – перебил я ее, поражаясь в очередной раз откровенности и специфике мышления Дарины. – Спасибо,

что думаешь обо мне, малыш. Я это ценю.

– Все для вас, Мастер, – прошептала Дарина, опустив глаза.

Я хотел поцеловать ее, но помешал звонок мобильного. Рус ждал внизу, чтобы отвезти в ресторан.

– Нам пора. Пойдем, – проговорил я, убирая телефон. – Артур уже ждет.

Казаев сидел за столом, но встал, чтобы поприветствовать. Мы обнялись, ритуально хлопая друг друга по спине.

– Это моя Дарина, – представил я девчонку, которая мялась от смущения чуть позади.

Я подтолкнул ее вперед, положил руки на плечи в покровительственном жесте. Артур рассматривал ее чуть дольше, чем позволяли приличия, но не так пристально, как мог бы.

– Твоя Дарина прелестное создание, Кир, – резюмировал друг, вызывая румянец смущения на щеках моей девочки. Артур пригласил нас жестом за стол, сообщая: – Я заказал все, что ты любишь, но не знал предпочтений Дарины, поэтому попросил сделать мясо, рыбу и овощи. Ты сможешь выбрать.

– Спасибо. Вы очень предусмотрительны, я бы предпочла рыбу, – ответила Дарина, усаживаясь за стол.

Артур замер, внимательно глядя на нее.

– О, я не должна была? – тут же прижала она ладонь ко рту. – Мне следует спрашивать..?

– Нет, тебе не нужно спрашивать у меня разрешения го-

ворить, – тут же успокоил ее Артур, – если твой Мастер не против, конечно.

Дарина облегченно выдохнула, и я погладил ее по ноге, чтобы проявить участие и успокоить. Ты все делаешь хорошо, девочка. Не волнуйся. Она взглянула на меня и улыбнулась, словно прочитала то, что я хотел сказать.

– Ты один? – спросил я у Артура. – Я думал, Айза тоже будет.

Казаев скорчил лицо, изображая усталость и беспомощность.

– Марат поймал вирус. Она осталась дома. Ты же знаешь, Ай становится сумасшедшей, когда дети болеют.

– Бабушки и няни все еще не имеют доступа к больному ребенку? – приподнял я бровь.

– Никакого, – обрезал Артур.

Мы хохотнули синхронно. Дарина тоже улыбнулась.

Почти сразу нам принесли ужин, напитки. Когда Артур предложил Дарине шампанского, она вопросительно взглянула на меня, а я чуть прикрыл глаза, давая понять, что не возражаю. Она пила брют, ела рыбу, почти не участвуя в разговоре. Оно и понятно. Мы обсуждали валютные движения, строили прогнозы, делились наблюдениями. Дарина мало что в этом понимала. Она старалась бодриться, но скука, ранний подъем, дорога и усталость давали о себе знать. Девочка попыталась проглотить зевок, но все равно чуть открыла рот, прикрыв его ладонью.

– Мы совсем утомили юную леди своими скучными разговорами. Мне жаль, дорогая, но это старая мужская традиция – нагонять на прелестных девушек сон.

– Простите, – тут же спохватилась Дарина. – Мне интересно, правда, просто я не очень во всем этом разбираюсь.

Артур рассмеялся.

– Брось, детка. Я все понимаю. Кир, как ты смотришь на то, чтобы отправить Дарину в СПА, а мы тут вдвоем продолжим бухтеть, как космические корабли бороздят просторы большого театра?

– Положительно, – улыбнулся я. – Рус ее отвезет?

– Разумеется. И дождетсЯ, а нас с тобой подкинёт Ренат.

Рус и Рен – два брата-акробата. Водители и охранники Артура. Я доверял им почти так же, как Коле. Уверен, с Дариной ничего не случится.

Будучи радушным хозяином и дарителем, Артур объяснил смысл подарка самой Дарине:

– Моя жена хотела украсть тебя сегодня вечером, показать свой салон, расслабиться. Ей не хватает общения последнее время. Вся в работе и детях, скучает по тебе. Нечасто выпадает случай пообщаться, не скрывая своей сути. Но видишь, как неудачно все вышло. Так что тебе придется ехать в Ай-СПА одной.

– АйСПА? – переспросила Дарина. – Ваша жена Айза Казаева? Хозяйка АйСПА и АйБьюти?

Ее глаза стали размером с блюдце.

– Да. Еще у нее школа визажа и...

– ...парикмахерского искусства АйМастер, – закончила за него Дарина.

Артур мягко рассмеялся, а в его ответе я услышал гордость.

– Вот так и живу, Кир, – развел он руками. – Иногда я просто муж своей знаменитой жены.

А Дарина никак не могла поверить.

– Она же потрясающая. Я ее обожаю, даже копила на обучение. После школы Айзы можно хоть в Голливуде работать. Это квалификация высшего класса.

Артура распирало от самодовольства. Он умел принимать успехи жены и гордился ими не меньше, чем собственными. Хотя по факту бизнес Айзы был каплей в море их семейного капитала, но она умела делать не только деньги, но и имидж. Я не придавал этому особого значения, но и не варился во всей этой кухне, как Дарина. Она же работала в салоне красоты до того, как брат попал в переплет.

– А ты знакома с индустрией красоты, как я понимаю? – отметил Артур.

– Да, я мастер, ой, – запнулась она. – То есть не мастер, а парикмахер.

– Ахаха, да я тебя понял. Так ты принимаешь мой подарок, Дарина?

– Еще бы! – согласилась Дарина с искренним восторгом. – Это же мечта, а не подарок.

Артур окончательно разомлел.

Он вызвал Руса, и тот прибыл меньше, чем через минуту, чтобы забрать Дарину.

– Позвони, как закончишь, – попросил я.

– Без надобности, Кирилл, – снова вклинился Казаев. – Девочки ее ждут и сами сообщат, когда процедуры подойдут к концу. Мы заранее сможем выйти, чтобы забрать Дарину. Дорогая, если что-то понадобится: кофе, сок, перекусить, что угодно, обращай к Рустему. Он исполнит любое твоё желание лучше джина из лампы.

– О, мне ничего не нужно. Вы и так...

– Просто скажи – да, – с легким нажимом не позволил ей отказаться Артур. – Будь моей гостьей.

– Хорошо, спасибо. Вы очень добры.

Радужный хозяин чуть склонил голову, а я кивнул, позволяя ей уже пойти.

Дарина пошагала к выходу, чуть покачивая бедрами. Я провожал ее глазами, пока Рус не открыл ей дверь, и они вышли из ресторана.

– Ну, старик, ты меня удивляешь... – выпалил Артур, и я приготовился к доверительному и не самому простому разговору.

– Что тебя удивляет, Арт? – спросил я церемонии ради, хотя сам прекрасно знал ответ.

– Она говорит свободно. Обычно твои покорные прекрасны в своем безмолвии. Ты же ненавидишь бабскую трескотню.

ню.

– Как видишь, она не злоупотребляет своим правом голоса.

– Да, тихая девочка. Но сразу видно, страстная натура. Я прям пожалел, что сам не Айза, так искренне она ею восхищалась. Вы сразу перешли на такую модель?

– Нет. Как-то само собой получилось. Я делал поблажки сначала, а потом понял, что Дарина чувствует, когда я хочу ее подчинения, а когда мы можем общаться свободно. Она позволяет себе немного больше на кухне, но вообще дома ведет себя сдержанно, хотя и не молчит как рыба. И моментально переключается, если я начинаю говорить с ней как Мастер. Как видишь, и на людях эта система работает отлично. Дарина скромная девочка. А ты ее, похоже, немного пугаешь.

– Ахаха, да, она все время искала у тебя поддержки и защиты за ужином. Должен признать, что вы очень интересно взаимодействуете.

– В каком смысле? – спросил я.

– Она читает твои жесты, сразу же на них реагирует. Ты делаешь примерно то же самое. Вам комфортно друг с другом, это сразу видно. Я рад, что, ты, наконец, получаешь удовольствие не только от секса, но и отношений с покорной.

У меня кусок застрял в горле, я закашлялся, смеясь, отхлебнул воды.

– Нет, Артур. У меня нет никаких отношений. Я купил

Дарину, если ты забыл. Это просто сделка на секс, не более.

Казаев откинулся, ухмыляясь. Ненавижу этот его умудренный взгляд и снисходительную улыбочку.

– Ты живешь с ней в одном доме? – спросил он.

– Ну да.

– Ты регулируешь ее режим, питание, образ жизни, следишь за гардеробом?

– Конечно.

– Заботаешься о ее душевном здоровье?

– Да.

– Трахаешь?

– Нет, блядь, я дрочу, купив себе девчонку для секса, – психанул я. Хотя последнее время так и делал, но возмутиться был обязан. До наказания у нас был секс. Тонны секса. – Что за вопросы, Артур?

– Открою тебе великую тайну, Кир. Это и называется отношения.

– Иди ты, – хохотнул я, стараясь не показать, что для меня это действительно открытие. – Отношения – это вообще размытое понятие. Конечно, мы с Дариной взаимодействуем, но в этом нет того смысла, который вкладываешь ты. Все временно, Арт.

– Ну, а сколько у тебя длилось взаимодействие с покорной по максимуму? Не со шлюхами из клуба, Кир. Просто с женщиной ты сколько был?

– Месяц?

Признаться, я не засекал, но скучал уже недели через две. И это при том, что мы играли преимущественно по выходным, редко виделись в будни.

– И два месяца с Лизанькой, – подметил Артур. – Кстати, ты ее уже убил за самолет? Заказать за упокой молебен?

Я засмеялся.

– Ты же атеист, Артур.

– И что? Это же не я буду за нее молиться. Честное слово, Кир, я не ожидал, что ты прилетишь.

– Мне нужно завтра встретиться с вашими магнатами. Они схватились за яйца из-за обвала рубля. А послезавтра уже нужно быть в Москве. Я никак не успел бы на поезде туда и обратно. Хотя придушить Лизку хотелось, да. Но сам виноват. Нужно было проследить.

– За всем не уследишь, дружище.

– К сожалению.

Я крутнул бокал, который Дарина оставила наполовину полным, и все же решил спросить Артура.

– Твои покорные когда-нибудь испытывали катарсис во время наказания?

– Что? – переспросил Артур.

Он прекрасно слышал, но не верил своим ушам. Понимаю. Я и глазам своим не верил.

– Катарсис во время наказания, – повторил я.

– Не бывает катарсиса во время наказания, Кирилл.

Я приподнял бровь, не соглашаясь с ним таким образом.

– Ты путаешь это со слезами боли, возможно?

– Нет. Она была почти без сознания.

– Из-за боли?

– Боль была терпимой. Я спрашивал, она просто не могла выносить напряжение и поэтому почти отключилась, а потом полились слезы.

– Мы говорим о Дарине сейчас?

– Разумеется.

– Давно это было?

– Можно сказать, накануне.

Артур молчал, но я видел, что он усиленно ищет варианты.

– Ты уверен, что дал ей все маркеры наказания? Она не могла перепутать с экшеном? У нее может быть продвинутая маза.

Я покачал головой, отрицая его варианты.

– Тогда толком расскажи все сначала, – рявкнул Казаев.

– Она соврала мне и украла кругленькую сумму. У нее брат в тюрьме. Там требовались денежные вливания. Не со знавалась до самого конца. Это точно не было игрой, Артур. Я озвучил ее наказание и даже дал возможность уменьшить количество ударов, если она скажет правду. Дарина хотела все, но сломалась на слезы. Она сама мне говорила, что принимала наказание, понимая свою вину.

– Ого, – только и выдал мой друг.

– Что? Хочешь сказать, я не прав?

– Это не мои отношения и не моя покорная, Кир. Но если ты хочешь знать мое мнение – я бы прекратил любые взаимодействия после такого. Я восточный человек. Ложь и воровство – мои табу.

– Как я могу прекратить отношения, за которые заплатил? Казаев закатил глаза.

– Брось уже прикрываться этими деньгами, Салманов. Если бы она тебе надоела, ты бы ее отправил с глаз в соседний с Колей флигель, и терла бы Дарина твой дом до блеска раз в три дня, а не твой член регулярно.

Говнюк был необычайно прав, и это меня весьма подбешивало.

– Что же касается катарсиса... Возможно, у нее с тобой слишком сильная эмоциональная связь. Ты ее первый мужчина, ее Мастер, ее спаситель, как ни крути. Она знала, что предала тебя. Если дело в брате, то и собственные принципы она растоптала, думаю. Дарина хорошая девочка, это видно. И она покорная по духу. Думаю, твоя злость была более кнута. Но я не могу утверждать, конечно. Это все из разряда невероятного. Жаль, Айза не смогла прийти. Все же нижние понимают в этом куда больше топов.

Я покивал, а Артур все не мог перестать удивляться.

– У вас все нормально теперь? Ты ее простил?

– Эээ, – протянул я. – Ну вроде бы.

– Вроде бы? – переспросил Артур. – Это как понять?

– Я злился на нее, Арт. Ты прав, такое не вдруг забудется.

Мы почти не общались после наказания.

– Игнорировал? – ахнул Казаев.

– Угу.

– Долго?

– Неделю.

– А она?

Я пожал плечами.

– Подарила мне на новый год билеты на поезд. Дарина видела, что я психанул из-за самолета. Лиза при ней мне сообщила. Поэтому в столицу мы вернемся поездом, хоть и с пересадкой.

Артур умилительно улыбнулся.

– Молодец какая. Позаботилась о своем Мастере. Ну а ты что?

– Я в ответ подарил ей кабинет. Она теперь там может отказаться от секса, просто быть собой.

– Да хрен с ним с кабинетом. Ты сказал ей, что прощаешь?

Я хлебнул из бокала Дарины кислого шампанского, провел зубами по нижней губе.

– Салманов!

Артур сжал кулаки.

– Нет, я ей не сказал.

– И ты не спал с ней с тех пор?

– Нет.

– Господи, я бы тебя выдрал за такое дерьмо, честное слово. Что ты творишь, Кир? – почти орал на меня Артур.

– Я не был готов ее простить. Кажется.

– Тебе кажется? Серьезно? А ей какво? Какого хрена ты думаешь только о себе, Кирилл? Она твоя покорная, под твоей защитой и заботой. Она имела права искупить свою вину. Ты должен был обозначить четкие сроки игнора, как озвучил количество ударов.

– Не должен, Арт. Она же не в теме. Откуда ей знать?

– О, – Артур всплеснул руками. – Ты не думал, что она могла читать об этом. Дарина не производит впечатления неграмотной плебейки.

– Нет, я не подумал, – буркнул я. Потому что, ну... Реально не подумал об этом. – Моя ошибка, да.

– Знаешь, даже если она и не читала, то ее связь прекрасно все усугубит. Дарина чувствует твою злость, и сама себя казнит, пока ты гордо ее не замечаешь. Неужели так сложно поговорить, Кир? Обсуди проблему и, скорее всего, она уйдет. Мы же люди. Мы должны общаться. Особенно, если выбрали такой образ жизни.

– Ты прав, да, – не мог не согласиться я.

– Скажи ей или дай знать, как она может искупить. Не держи девочку в неведении.

– Хорошо. Спасибо за совет, старик, – искренне поблагодарил я его, но тему решил закрыть.

Слишком тревожно стало на душе от осознания собственного промаха. Возможно, не только из-за него. Разговор о Дарине разбередил во мне что-то, и я чувствовал себя стран-

но, необычно. Поэтому предпочел вернуться к рабочим вопросам. Там у меня не было ошибок уже давно. Артур с удовольствием поддержал это решение и не стеснялся тянуть из меня ценную информацию об аналитической работе отделов моей корпорации.

Мы так увлеклись, что я не заметил, как пролетело время. Экран мобильного Артура загорелся, он снял трубку.

– Девочки закончат с Дариной через полчаса. Поехали. Мы с Реном забросим тебя в салон.

– Ты так и не доехал до Москвы, – сказал я Артуру, когда мы сели в машину.

– Отложил – подтвердил он. – Хочу с Айзой. Она скучает по играм. Как там в клубе дела?

– Помойка, – честно признался я. – Но если договориться со старыми знакомыми...

– Да, я так и сделаю, пожалуй. Ты не хочешь привести Дарину?

Я хмыкнул.

– Дарина едва ли готова для меня одного, а ты предлагаешь поделиться ею в клубе.

– Может быть, ты сам не готов делиться?

Я даже не пытался с ним спорить.

– Я точно не готов. И вряд ли буду, Арт. Знаю, у вас с Айзой нет с этим проблем, но я другой.

– Понимаю, Кир. Конечно. Прости, что заставил оправдываться. Надеюсь, твое приглашение в силе?

– Разумеется. Флигели или комнаты в доме – все для вас.

– Спасибо, жаль, ты игнорируешь мое гостеприимство при этом.

– Артур, – я понимал, что он человек востока, и его это обижает, поэтому в сотый раз терпеливо объяснил. – У тебя семья, дети. Я не хочу мешать и не хочу быть скованным рамками. Особенно, когда с Дариной. К тому же Марат болеет. Да и здоровый ребенок вряд ли оценил бы крики моей покорной ночью.

– Конечно. Я понимаю, – покивал Артур, улыбаясь. – Ты прав. К слову о твоей покорной. Меня беспокоит, что Дарине не с кем поделиться. Мы вот с тобой поговорили, а ей некому рассказать.

– Я не запрещал ей общаться с подругами. Она всегда может отпроситься, и Коля отвезет...

– Серьезно, Кир? Полагаешь, девочка поедет к подружкам с твоим водителем, расскажет, как ее купил богатый извращенец, про ремни и плети будет откровенничать? Не смей меня. Ей нужна поддержка из нашего сообщества. Ей все ново. В незнакомой стране первый раз плохо без гида.

– Она всегда может поделиться со мной.

– Ой ли...

– К чему ты клонишь? – начал раздражаться я.

– Айза. Они могли бы пообщаться. Дарине это пойдет на пользу.

Я усмехнулся. Это была хорошая идея. Дарине действи-

тельно нужен друг, старший друг, как Артур очень часто нужен был мне.

– Отличная идея, Арт. Ты прав, как всегда. Спасибо.

– Обращайся, – развел он руками.

Ренат остановил машину у салона, и я увидел, как Рус открывает дверь, придерживает для Дарины и ведет ее к машине.

– Обращусь обязательно, – заверил я друга.

Мы хлопнули по рукам, кратко обнялись, прощаясь. Я вышел из салона, чтобы пересесть к Дарине.

Глава 3. Половинки

Я сел в машину на заднее сиденье к Дарине и сразу протянул руку вдоль спинки. Ей хватило этого знака, чтобы понять мое желание. Она подвинулась ближе, прижалась ко мне доверчиво, позволяя обнять за плечи. Артур прав. Она чувствует все так тонко. Чувствует *меня*. Можно выдрессировать любую шлюху, провести в игровой с покорной хоть месяц, не вылезая, но такого понимания не получишь. Мы с Дариной связаны, склеены. Словно диффузия, проникаем друг в друга, сливаясь не только на физическом и эмоциональном уровнях. На всех уровнях. Это просто космос какой-то.

Дарина пахла цветами и свежестью. С ее лица смыли косметику, но это даже лучше. Что может быть прекраснее естественности в девятнадцать лет? Я видел, как светится ее кожа даже в тусклых лампах салона машины. Такая юная, светлая, ранимая девочка. И вся моя. Сейчас как никогда остро я чувствовал свою ответственность за покорную и хотел заботиться о ней.

«Это всего лишь на год», – вспомнил я собственные слова и тут же представил себя в этой же машине через год. Одного, без Дарины. Раньше это было бы комфортной фантазией. Молчаливый водитель, удобная машина, красивый город за окном, ночь и огни. Я любил бывать в Казани, наслаждался каждым визитом, чествовал себя самодостаточным и счаст-

ливым здесь. Только не сегодня.

Без ее аромата, без тепла и тихого дыхания я не смог представить свое спокойствие, свое счастье. Дарина знала Айзу и восхищалась ею. Дарина хотела учиться в ее школе. Дарина жила до меня счастливо и вернется к этому потом.

Год.

Кажется, у нас так много времени впереди, но я знал, что мне будет мало даже вечности рядом с этой дерзкой и одновременно покорной девчонкой. Как прожжённый аналитик я суммировал все риски и прогнозы, оценил динамику и котировки. Ответ был прост – она идеальна для меня.

Сразу за этим выводом пришел страх. Я боялся потерять ее. У меня вряд ли получится отпустить Дарину. Мозг эгоиста и расчетчика тут же стал прикидывать суммы, за которые я смогу купить себе еще немного гармонии. Но в душе я понимал, что она не возьмет у меня ни копейки. Ее брату я помогу и так, а для себя Дарина денег не захочет. Она не шлюха и не рабыня. Я должен дать ей все, что имею, а потом отпустить.

– Мама мы умрем? Умрем... умрем... умрем...

Паническая атака накатила, хотя самолетом и не пахло. Я потянулся и сжал руку Дарины, ища поддержки. Она подняла голову, посмотрела на меня, спрашивая без слов: «Ты в порядке?»

Я покачала головой: «Нет, но сейчас буду».

Забыв о правилах приличия и уважении к Рустему, я скло-

нил голову и стал целовать Дарину. Пытался не напирать сразу, но эмоции взяли верх, и я смял ее губы после трех мимолетных касаний. Рычащий стон вырвался из моего горла. Я стиснул ее плечи сильнее. Дарина пискнула, но даже не дернулась. Я брал ее губы жестко, беспощадно, не давая ни малейшего шанса облегчить участь, понимая, что делаю больно, но не в силах остановиться. Я хотел ее. Отчаянно, сильно, невыносимо. Когда Рус стал притормаживать у отеля, я с трудом заставил себя прекратить и прохрипел Дарине на ухо.

– Ты должна идти очень быстро, девочка, иначе я трахну тебя прямо в фойе.

Она моргнула, слава богу, ничего не стала говорить.

Попрощавшись с водителем до завтра, я помог Дарине выйти из машины, но тут же отпустил ее руку, боясь, что даже этот невинный контакт сорвет остатки шифера с моей крыши.

Приняв мои слова на веру, Дарина посеменила по ступеням крыльца. Швейцар услужливо открыл ей дверь и взялся за козырек фуражки, приветствуя. Я вложил ему в карман купюру, так как вчера забыл из-за суеты. А он ведь помог нам с чемоданами. И сейчас помогает мне держать себя в руках, отвлекаясь на мелочи. Следуя за Дариной к лифту широкими шагами, я уговаривал себя не распускать руки раньше времени. Боже, мы уже внутри.

Контроль! Доминирование и контроль.

Две минуты, Салманов! Ты же не животное, в конце кон-

цов.

Ошибочка, я именно оно.

Едва лифт скрыл нас от посторонних глаз, я набросился на нее снова. Прижал к стене кабины, задрал подол платья, смял задницу и снова впился в ее рот, прикусывая и жестко посасывая. Я толкнулся пахом вперед и замер на миг, а потом стал тереться, заставляя Дарину хныкать.

Отпустив ее губы, я дал ей шанс образумить меня, отрезвить, попросить пощады, но она лишь выдохнула:

– Пожалуйста... еще...

Все! Дальше я себе не принадлежал. Разум отдал меня во власть безумия. Смутно помню, как звякнул лифт, и мы вышли в коридор, не прекращая целоваться. Нас могли увидеть, но ни меня, ни Дарину, похоже, это не волновало.

Ключ-карта – великое изобретение человечества после влажных салфеток и хлеба в нарезке. Я справился с дверью за секунду, и мы оказались внутри. Дверь тоже прекрасная штука. Я прижал к ней Дарину, не имея более терпения и сил для дальнейшего передвижения, задрал платье до талии, дернул трусики.

Треск тонкой ткани должен был меня отрезвить, но нет. Я еще сильнее завелся и, быстро разбираясь с собственными брюками и бельем, предупредил Дарину:

– Я не буду нежным, малыш.

– О, я на это надеюсь, – моментально откликнулась эта дерзкая девчонка и притянула меня за галстук, чтобы самой

терзать мои губы.

– Дарина, господи... – стонал я от ее жалящих поцелуев–укусов. – Что ты творишь, девочка?

– Я хочу... тебя.

– Боюсь, я дам тебе больше, чем ты хочешь.

Она положила ладони мне на лицо, посмотрела внимательно и сказала:

– Не бойся.

Я коснулся головкой влажной горячей плоти и протолкнул член сразу почти до конца. Дарина вскрикнула. Мой бог, как же я жил без этих звуков?

Не давая ей ни секунды, чтобы привыкнуть, я стал толкаться вперед и вверх, придерживая девчонку. Она вцепилась в мои плечи, охала с каждым проникновением. Я выходил из нее почти до конца и снова вгонял член по самые яйца. Словно пытался выбить из нее дух, заставить молить о пощаде, просить сбавить темп, но она билась головой о дверь, вскрикивала и повторяла:

– Да, боже, да. Еще, еще.

Я почувствовал, как она стала сжиматься вокруг моего члена. Серьезно? Так быстро? И без меня! Вот уж вряд ли.

Я исполнил ее желание и стал быстрее, но прорычал:

– Не смей кончать.

– Пожалуйста, – захныкала Дарина.

– Не сейчас, – рывкнул я, продолжая трахать ее.

Она всхлипнула, обняла меня за шею. Я подхватил ее под

попу, заставляя запрыгнуть. Ее ноги обхватили меня крепко. Так тесно и близко. Мы почти впечатались друг в друга, отчаянно нуждаясь в этой близости, в обоюдном сумасшествии и неистовом темпе ярчайшего удовольствия.

У меня потемнело в глазах, и я опустил контроль.

– Давай, малыш, – шепнул еле слышно, но знал, что она разберет, поймет, почувствует.

Наверно, я мог не говорить. Дарина сама знала момент. Тот особенный миг, когда эмоции, желание и напряжение достигли пика. И мы одновременно шагнули в пропасть, крепко держась друг за друга.

Навсегда. К черту год. Я хочу ее себе на всю мою проклятую жизнь.

Дарина

Я не чувствовала собственного тела. Кирилл держал меня, он был моей невесомостью. Я знала, что не упаду, что он не отпустит. Я принадлежала ему во всех смыслах, и сегодня это не вызывало ни одной негативной эмоции. Мне нравилось, как блестели его глаза, когда он смотрел на меня, как касался мимолетно, чтобы успокоить, как представил своему другу.

Моя Дарина.

Мне нравилось быть его. Очень. Когда Салманов начал целовать меня в машине, я не испугалась, что сейчас он трахнет меня прямо в салоне, при водителе. Знала, что этого не будет. Кирилл отлично чувствовал мои пределы и ни за что

даже близко не подошел бы к линии, за которой начиналась паника.

Я доверяла ему. Всецело. Это открытие разлилось горячим бальзамом по моей душе, а потом словно кто-то бросил горящую спичку на крепкий алкоголь. Я вспыхнула моментально. От его напора, его неистовства, его желания. Я принимала его огонь, и сама горела, взрывалась.

А потом вселенная сузилась до размера кокона, в котором были только я, Кирилл и дверь. Ничего более не существовало. Когда я начала приходить в себя, отпуская постепенно ярчайшие спазмы оргазма, Салманов развернулся, сам сполз по двери на пол, продолжая держать меня в руках. Так мы и просидели, кажется, целую вечность. Или несколько мгновений. Я могла бы остаться так навсегда. Верхом на нем, в его крепких, горячих руках, слушая, как успокаивается бие сердце в груди.

– Живая? – спросил Кирилл, вырывая меня из сладкого оцепенения, заставляя захихикать.

– Ммм, – протянула я, не уверенная, что знаю правильный ответ на его вопрос.

Однако наличие голоса Салманов, похоже, принял за согласие. Он встал вместе со мной, даже не покачнувшись.

– Куда? – прохрипела я, продолжая давиться смехом.

– В спальню, – ответил Кирилл. – Очевидно, я буду трахать тебя всю ночь, и завтра ты не сможешь ходить. Моя сладкая непослушная девочка.

Салманов уложил меня на кровать, нависая сверху. Я заерзала и почувствовала, что он более чем готов исполнить свою угрозу. Такое наказание меня не пугало ни капли.

– Кажется, ты сказал, что завтра поедешь на встречи один? Зачем мне ходить?

Кирилл рассмеялся.

На этот раз все было медленно. Он помог мне избавиться от платья и белья, а я сняла его галстук, и рубашку. Кирилл покрывал поцелуями мое тело, гладил руками, дул на горячую кожу, а потом снова двигался. То быстро, то медленно. То выколачивая из меня стоны, то снова заставляя просить больше, еще. Он был везде, всем моим миром, всеми моими чувствами.

Не помню, сколько раз я кончила в эту ночь. После третьего я была едва ли в сознании, хотя и продолжала просить и гореть. Уже засыпая, я вспомнила о правилах и гигиене, стала подниматься, отчаянно моргая, чтобы не вырубиться.

– Куда? – рыкнул Кирилл лениво.

– В душ.

– Нет, – кратко и категорично выдал он, прижав меня к себе, уткнулся носом мне в шею, шумно вдохнул. – Ты пахнешь цветами после салона и мной после секса. Я не знаю, что мне нравится больше. Не надо душа. Спи.

– Я буду мешать тебе. Здесь есть еще спальня.

– Спи тут, Дарина.

А меня уже понесло.

– Тебе ведь не нужно за мной присматривать, я могла бы...

– Боже, я должен обязательно приказать, чтобы ты унялась? Ты спишь со мной. Здесь. Сколько можно спорить? – разозлился он.

Я сжалась, но больше по привычке. Он ведь сам придумал эти правила. Чего теперь рычать?

– Хорошо, Мастер, – улыбнулась я, теснее прижимаясь спиной к его груди.

Мне действительно никуда не хотелось уходить сейчас.

– Дарина, – позвал он спустя минуту, снова вырывая меня из дремы. – Я не злюсь на тебя больше. Ты прощена, девочка.

Я моментально проснулась. Горло сдавило. Господи, я же не буду плакать, правда? Это так глупо. Но, кажется, вместе с этими словами Кирилла пришло не только его прощение. Я сама себя простила. Облегчение накатило мощной волной, выпуская умиротворяющую эйфорию.

Я накрыла ладонью руку Кирилла, которую он перекинул через меня, поднесла его пальцы к своим губам, поцеловала.

– Спасибо, Мастер. Вы очень добры ко мне.

Я почувствовала, как его губы, что прижимались к моей щеке, шевельнулись в улыбке.

– Не более, чем ты того заслуживаешь, маленькая. Спи.

Не смея нарушить приказ, я погрузилась в блаженный отдых.

Глава 4. Казань и после

Меня разбудил шорох. Я приоткрыла глаза и увидела, как Кирилл набрасывает рубашку. Он стоял ко мне спиной, но моментально среагировал. Словно радар сработал на мое пробуждение.

– Привет, – Кирилл присел рядом, застегивая запонку.

– Привет, – отозвалась я, а глаза закрылись снова. – Я провожу тебя.

Салманов мягко рассмеялся.

– Ты спишь, малышка. Отдыхай. Я оденусь в гостиной, не буду тебе мешать.

– Ммм, – только и ответила я. – Не буду спорить.

– Неужели, – усмехнулся он, поцеловал меня в висок и вышел.

Я сразу заснула снова. Очнулась ближе к полудню и пыталась вспомнить, во сколько же мы уgomонились, если я так долго дрыхла. Не смогла. Очевидно, под утро. Поерзав, я поняла, что – да. У меня действительно все болело после ночного марафона, но я ни капли не жалела. Ходить могла, но не хотела. Наверно, еще полчаса валялась, хихикала сама с собой как дурочка. Вспомнив наставления Кирилла, заказала завтрак прямо в номер, есть стала прямо в постели.

Оказывается, к хорошей жизни так легко привыкнуть. А Женька хлебает баланду и спит на нарах. Сердце сжалось,

но я запретила себе страдать. Брату не будет легче от моего самобичевания. Я всегда старалась действовать, а не лить слезы попусту. Адвокат Кирилл сказал, что слушание через две недели. Он давал хороший прогноз, и я решила сосредоточиться на мысли, что Женьку отпустят до суда, а потом обязательно оправдают.

Если уж Кирилл лично взялся за мои проблемы, уверена, они будут решены.

Не знаю, откуда у меня взялась такая уверенность, но Салманов теперь казался настоящим Дедом Морозом.

Кирилл позвонил, когда я завтракала.

– Ешь? – тут же спросил он, уловив жевание в моем «алло».

– Завтракаю, – призналась я честно.

– Хорошо живешь, принцесса, – хохотнул Салманов. – А я вот уже железки потягал и успокоил двух неприлично богатых нефтяных магнатов. Остался еще один.

– Уф, не вспотел?

– С железками – немного, но в том и суть.

– А с магнатами?

– Детка, что за намеки? Мне съездить к Артуру за плеткой?

– Ха-ха-ха, – изобразила я веселье. – Но ты же сам сказал, то они неприличные. Хотя кто может быть неприличнее и богаче тебя? Это фантастика.

– Лесть засчитана, детка. Только не злоупотребляй этим

приемом.

– Я учту, ага.

– Ты как сама? Болит?

– Угу, немного.

– Дарина, – рыкнул он.

– Ну, да-да, я с трудом встала и все еще валяюсь. Ноги сходятся с трудом.

Салманов довольно засмеялся.

– Отлично. Так и должно быть.

– Ах ты... – я прикусила язык, чтобы не наговорить лишнего, а то ведь и правда одолжит у Артура плетъ.

– Будь готова к пяти часам. Оденься удобно, собери вещи. Мои – тоже. Прокатимся по городу, а потом сразу на поезд.

– Спасибо, Мастер. Будет сделано, Мастер.

Я едва сдержалась, чтобы не чмокнуть его в трубку. Черти что!

Кирилл снова хохотнул и быстро попрощался. Я бросила телефон на кровать, краем глаза взглянула на себя в зеркало. Растрёпанная, помятая, но бесконечно счастливая с сияющими глазами. Меня не пугает это чувство. После всего, что произошло, я как никогда понимаю слова какой-то просветленной знаменитости.

Счастье – это не абстрактное и не материальное. Счастье – это я сейчас. Сей-час-я. Счастье! Сегодня, здесь, в этот момент.

Я держусь за ощущения невесомости и блаженства, про-

длевая его на несколько часов, сдабривая предвкушением, ожиданием праздника. Когда Кирилл заходит в номер, я встречаю его чемоданами и улыбкой. Он сразу же улыбается мне в ответ, обнимает за плечи и ведет к лифту. Я не бог весть какой эксперт, но, кажется, счастье заразно, и мой су- ровый доминант буквально светится изнутри.

– Казань совершенно невероятная в темное время суток, – проговорил Кирилл, едва мы сели в машину. – Рус, прокати нас по всем огонькам, пожалуйста.

– Не вопрос, Кирилл Олегович, – гортанно ответил наш водитель. – Могу и экскурсоводом побыть.

– Хах, спасибо, но я уже и сам могу.

– Да, вы почти свой, – согласился Рустем, не раздумывая.

Я не сразу поняла, про какие огоньки они говорили. Вчерашнюю поездку смутно помнила. Казань меня не впечатлила, правда, я ее и не видела почти.

– Кремль, мечети – это все, конечно, надо днем смотреть, но есть особенная ночная Казань. Тебе понравится, – заявил Кирилл.

Я кратко пожала плечами, не пытаясь с ним спорить. Очень скоро я поняла, что имел в виду Кирилл. Словно попала в сказку, пряничное королевство вкуснейших огней и ярких цветов. Все было такое нарядное. И сами здания, и подсветка поражали красотой. Я привыкла к неоновым огням Москвы, но столица мерцала урбанией и рекламой, а Казанские красоты соединяли дух культуры Татарстана и со-

временные тенденции.

Больше всего мне понравился детский театр, похожий на замок Щелкунчика, но размахом поразил Дворец Земледельцев.

Мы с Кириллом выходили, чтобы прогуляться возле всей этой красоты. Он рассказывал всякие интересные факты, все время целовал, дразнил и запахивал на мне пальто, которое я потом все равно расстегивала в машине. Мы успели прокатиться на чертовом колесе у аквапарка, который тоже был подсвечен со всех сторон и вызвал у меня кучу восторгов.

– В «Койот», Рус, – велел Кирилл, когда мы в очередной раз вернулись в машину.

– Уверены? – приподнял бровь водитель.

– Раз я сказал, значит, уверен, – обрезал Салманов, раздражаясь.

– Ну... воля ваша, Кирилл Олегович, – проговорил Рус-тем, не сумев спрятать ухмылку.

– Что за койот? – полюбопытствовала я, заинтригованная поведением нашего водителя и хмурым лицом Кирилла.

– Бар «Гадкий Койот». Кино смотрела?

– О, смотрела. Прямо такой?

– Ага. Их, кажется, штук пять в России. Один в Казани. Я заерзала от нетерпения.

Рус остановил у бара, и Кирилл тут же попросил:

– Ты только не напивайся.

– Вряд ли я выпью больше того, за что ты заплатишь, –

ответила я ехидно.

– Да, действительно, – улыбнулся Кирилл, помогая мне выйти из машины.

– Почему Рустем пытался тебя отговорить? – решила спросить я сразу.

– Увидишь, – только и усмехнулся Салманов.

Мы вошли, и меня почти сбило с ног шумом и басами олдскульного доброго рока.

– Музыка для старперов, а? – не удержалась я.

– Ой, а ты фанатка дабстепа что ли?

– Дабстеп для сыкунов, – процитировала я Кейбла из второго Дедпула.

– Капец, ты мрачная. Точно не из ДиСи приперлась? – неожиданно продолжил Кирилл и захохотал, увидев, как у меня упала челюсть. – Да, Дарин, я смотрю кино иногда. Комиксовая пурга отлично размягчает мозг поле работы. Пойдем.

Вместе с нами в бар вошли еще несколько человек, но их задержали охранники. Кириллу же просто кивнули двое амбалов, а мужчина в строгом костюме, очевидно, менеджер, проговорил:

– Желаю приятного вечера, Кирилл Олегович. Вам и вашей очаровательной спутнице. Карина сделает вам коктейлю.

– Благодарю, – кратко ответил Кирилл и повел меня в зал. Нас тут же подхватила девчонка в облегающем минимали-

стичном наряде из топа, шортиков и кожаных ремней. Я начала догадываться, что тут нравилось Кириллу. Весьма в духе БДСМ. Я отметила, что многие из девчонок-койотов так одеты.

Карина провела нас к дивану углом в глубине зала. Кирилл что-то сказал ей, но я не разобрала, потому что глазела по сторонам, и гремела музыка. Народу было много. Несмотря на то, что мы явились в будний день и почти к открытию, никому это не мешало веселиться.

Карина убежала и вернулась, мне кажется, менее чем через минуту. Она принесла мне мохито, а Кириллу виски. Подмигнула. Я так и не поняла, кому.

Салманов пригреб меня к себе и прокричал на ухо:

– Можешь танцевать, но не лезь на стойку.

Учитывая мои слабые после вчерашнего ноги, я не особенно хотела и первого, но быстро поняла, что никого это не интересует. Не успела я выпить и половину мохито, как вернулась Карина и почти насильно утащила меня на танцпол, а оттуда – к стойке, чтобы научить пить метрами. Прежде, чем я запаниковала, за моей спиной вырос Кирилл, а перед лицом построились стопочки длиною в метр.

– Две, – проговорил Салманов мне в ухо. – Максимум три. Я не собираюсь держать волосы, когда тебя будет тошнить в туалете поезда.

Я хохотнула и опрокину в себя первую. Никогда не пила текилу, и эффект был похож на тот, что произвел арманьяк

лохматого года, которым угощал меня Салманов на кухне. Кажется, это было сто лет назад.

Я закашлялась, замахала руками, отказываясь от второй, но тепло крепкого алкоголя моментально разлилось по телу, согрело и взбудоражило. Музыка стучала пульсом басов прямо в грудь, заставляя танцевать. Кирилл отстранился, давая мне свободу и путь на танцпол. Койотки запрыгнули на стойку, и Карина протянула мне руку. Я отрицательно помотала головой и... решила пойти освежиться.

В уборной меня угораздило познакомиться с туристками-москвичками, и они утащили танцевать. Я едва успела махнуть Кириллу, чтобы он меня не потерял. Салманов стоял у стойки, цедя вторую порцию виски, не сводя с меня глаз. Это немного раздражало, но сильнее заводило. Он смотрит, он следит, он заботится и, кажется, немного ревнует. Когда к нам подошли два парня, явно из местных, татарская кровь была на лицо, Салманов тут же поманил меня пальцем.

Я вернулась к стойке, чувствуя себя немного виноватой. Я не сдерживалась и, возможно, выглядела вызывающе, но вроде бы это обычное дело – знакомство в баре на танцполе.

– Не провоцируй меня, пожалуйста, – проговорил Салманов. – Знаю, ты ничего не сделала плохого, но я не желаю, чтобы к тебе прикасался кто-то кроме меня. Это понятно?

– Да, Мастер, – ответила я, и голос растворился в забористом гитарном рифе. Но Кирилл все прочел по губам, а его удовольствие я прочла по улыбке.

В этот момент одна из койоток стала спускаться со стойки рядом с нами. Она покачнулась на огромных каблуках, и Кирилл прихватил ее за локоть, чтобы не дать упасть.

— Большая ошибка, малыш, — выдала девица, вырывая руку из хватки Кирилла, и... плеснула в него из стакана.

Прямо в лицо, да-да. У меня перехватило дыхание. Ахнув, я прижала ладонь к груди, зажмурилась, не зная, что сейчас будет.

Я думала, сейчас Салманов вытащит из кармана какой-нибудь складной хлыст и начнет лупить им девчонку при всем честном народе. Или без хлыста, прямо ладонью по заднице. Последняя была на улице, потому что шорты койотки короче некоторых моих трусов. Приоткрыв один глаз, я увидела, как Кирилл вытирает рукой лицо, а его губы шевелятся, произнося:

— Блядь.

О, ну точно сейчас выпорет. Но Салманов лишь тряхнул головой, обдав каплями девицу-танцовщицу, которая не спешила уходить. Она засмеялась, послала ему воздушный поцелуй и звонко проговорила, перекрикивая музыку:

— Руками не трогать, красавец.

— Забылся, — хохотнул в ответ Салманов, переводя на меня взгляд и разводя руками. — Кажется, я хочу на поезд.

Я моргала, открывая и закрывая рот. Кирилл чуть склонился, чтобы прокричать мне в ухо:

— Давай уйдем. Время, и я мокрый.

– Да, хорошо, – очнулась я, наконец.

Сообразив, я вытащила бумажные платочки, что были в сумочке, протянула один Кириллу. Он поблагодарил и промокнул лицо.

Нас провожал все тот же администратор. Прощаясь, он плохо скрывал улыбку, хоть и был вежлив, даже учтив. Салманов не потрудился отвечать ему взаимностью, лишь кивнул на расшаркивания и зачесал влажные волосы со лба пальцами.

Рус стоял у машины, курил. Едва завидев нас, он начал посмеиваться.

Что с ними со всеми не так?

– И снова здравствуйте, Кирилл Олегыч, – издевательски выдал наш водитель, выбрасывая сигарету.

– Отвали, – буркнул Салманов без злости, лишь с легким раздражением.

– А я вам говорил.

– А то я не знал.

– Садитесь в машину. Простудитесь еще. Время есть до поезда. Я ждал вас чуть позже, извините за дым. Хотите кофе?

– Можно, – откликнулся Кирилл. – Правда, ночь почти. Нам надо поспать в дороге. Завтра трудный день.

– Я бы выпила какао.

– Точно, – поддержал Кирилл.

– Устроим. Без проблем.

Рустем привез нас к круглосуточной кофейне, сам вышел из машины, заверив, что местным не плюют в напитки. Кирилл засмеялся, оценив шутку. А может, долю шутки в шутке. Воспользовавшись тем, что мы остались вдвоем, я спросила:

– Что это было в баре?

– А что было? – невозмутимо вздернул брови Салманов.

– Она облила тебя.

– Я ее коснулся. Это табу в «Гадком».

– Она падала, а ты ей помог.

– На самом деле – нет. Эта засранка специально все подстроила, чтобы облить меня водой. Койотки провоцируют – это нормально. Формат заведения.

– Нормально? – я ушам своим не верила.

– Первый раз я был там с Артуром. Этот штопанный презерватив дружит с хозяином, и они подговорили девочек. Меня облила каждая. Может быть, даже не по разу. На пятом стакане я сбился со счета. Вышел мокрый до трусов. Хорошо, было лето.

– О, боже, – Я схватилась за голову. – Поэтому они все ухмыляются?

– Ага, сволочи. Любят меня в «Койоте» и помнят.

– Зачем же мы туда пошли?

– Ты ведь не была.

– Ну и что?

Кирилл пожал плечами.

– Там атмосферно и молодежно. Я хотел тебя порадовать.

– Но какой ценой!

– Какой? – пожал плечами Кирилл. – Ну, облили. Я почти привык.

– Мог бы и предупредить.

– Зачем? Сюрприз – это часть веселья.

– Не очень-то весело, если честно, – возмутилась я. – Ты бы лицо свое видел. Я думала, ты ее сейчас при всех выпорешь.

– Ахахах, не искушай вернуться и сделать это, – Кирилл чуть нахмурился, видя мою серьезность. – Ты, правда, думала, что я могу?

– Да. Ты разозлился.

– Нет. Немного. Не настолько, чтобы потерять контроль.

– Ты матом выругался. Я не слышала от тебя такого никогда.

– Я не ругался, Дарин. Наверно, показалось. Я сказал: «Опять».

– О, – прозрела я. – Правда?

– Конечно.

– Все равно – это безобразие! – возмутилась я.

– Согласен, – так же истово поддержал меня Салманов.

Я увидела Рустема, который нес стаканы и пакет.

– Я взял вам шоколад и сэндвичи в дорогу. Ночь, конечно, но мало ли.

– Спасибо, Рус, – поблагодарил Кирилл, принимая стака-

ны. – Ты нас избаловал.

– Не начинал даже, – улыбнулся водитель.

Рустем прокатил нас по центру, только потом взял курс на вокзал. Я от души благодарила его. Могла бы даже обнять, но слова Кирилла о том, что никто не должен меня касаться, звучали весьма однозначно и относились не только к моменту в клубе, поэтому я сдержала свой порыв дружелюбия и ограничилась теплыми словами.

Водитель поставил наши чемоданы у вагона, пожелал доброго пути и пошагал прочь.

Проводница, улыбаясь, указала наши места. Я никогда не ездила в СВ, поэтому просто встала между двух полок и потеряла дар речи.

– Я принесу вам чай и снеки. Завтрак включен, я разбужу. Вагон-ресторан работает до двух часов ночи. Желаю приятной поездки, – оповестила нас проводница, едва поезд тронулся.

– Благодарю, – ответил Кирилл, потому что у меня язык прилип к небу.

Нас оставили одних, и я осела бесформенной массой на лежанку.

– Еще никогда Штирлиц не был так близко к провалу, – проворчала я, заставляя Кирилла в очередной рассмеяться.

Он за сегодняшний вечер вообще бил все рекорды по веселью, поражая меня своим позитивным настроением. Слава богу, он смеется, а не воротит нос, потому что спальное ку-

не оставляло желать лучшего. Даже я со своим пролетарским происхождением понимала, что «это фиаско, братан». По сравнению с комфортабельным бизнес-классом самолета спальный вагон фирменного поезда выглядел до безобразия неуютным и буквально дышал старым добрым совком.

– Лучше бы мы полетели, – продолжала кукситься я, ерзая на голубых половичках, которые лежали на полках то ли для красоты, то ли вместо покрывал.

– Нет, не лучше, – тут же перестал улыбаться Кирилл.

– Почему ты боишься летать? – мой язык бежал впереди паровоза.

Кирилл взглянул на меня, и я считала удары сердца с перестуком колес. Напряжение повисло между нами, и показалось, что сейчас снова заработаю наказание за дерзкие неуместные вопросы. Но Салманов первый отвел глаза, стал возиться с бельем.

– Поезд как поезд. Вполне чисто, – проговорил он, игнорируя мой вопрос. – Меня устроит татарский колорит вполне. Ляжем спать и не заметим.

– Ты ляжешь, да? И не будешь чесаться тут?

Я решила не настаивать на неудобном вопросе, чтобы не дразнить гусей. Моя задница еще помнила неласковые удары плети.

– Буду, конечно, но завтра действительно сложный день, и нам обоим нужно выспаться. Или ты собиралась всю ночь напиваться в вагоне-ресторане? Только корейской морков-

кой не закусывай, – снова стал издеваться Кирилл, присев напротив меня.

Проводница принесла нам чай в граненых и с подстаканниками.

– Ради этого люблю ездить в поездах. Классные штуки, – кивнул на чай Кирилл.

Мы пили чай с сэндвичами из кофейни от Рустема, смотрели в чернильную темноту за окном, проводница забрала пустые стаканы.

– Чистить зубы и спать, – скомандовал Кирилл, когда мы снова остались вдвоем.

– Ты не собираешься заниматься со мной сексом? – выпалила я. Кто объявил сегодня ночь глупых вопросов?

Почему-то я была уверена, что Салманов захочет трахнуть меня в поезде. Не знаю. Он как-то говорил, что секс в общественных местах может быть очень горячим, и ему нравилось щекотать себе нервы. Когда я заказывала СВ, то не могла отделаться от мысли, как Кирилл будет настаивать интима в дороге, на узкой лежанке, а то и вовсе ночью в пустом коридоре или тамбуре, зажимая мне рот рукой.

– А ты бы хотела? – ответил он вопросом на вопрос.

– Эээ... – протянула я, не зная, стоит ли откровенничать. Все же пока фантазии были намного комфортнее реальных перспектив.

– Боюсь, мы свалимся с этого прокрустова ложа, – проговорил Салманов. – Или я сойду с ума, глядя сквозь почти

прозрачную простынь на этот синенький коврик.

– А если коврик убрать? – выдохнула я.

Кирилл хмыкнул.

– Тогда будем скользить по этой скользкой искусственно резиновой коже. К тому же тебе стоит воздержаться после вчерашнего, моя голодная девочка.

Я сглотнула, покивав. Салманов поцеловал меня в лоб, разделся, повесив одежду на плечики, чтобы не мялась, и забрался в постель. Я последовала его примеру через минуту.

Колеса продолжали выстукивать неповторимый ритм, качая, убаюкивая.

– Дарина, – продрался сквозь дрему голос Кирилла.

Я моментально проснулась.

– Ммм?

– Ты не спишь?

– Сплю.

– Невозможно ответить утвердительно на этот вопрос. Если бы ты спала, то просто промолчала бы.

– Боже, Кирилл, ты самый нудный человек во вселенной.

– Это вряд ли, – я слышала, что он говорит это, улыбаясь. – Но за сотню самых нудных вполне могу побороться.

– Если объявят соревнования, я буду за тебя болеть.

Он засмеялся.

– Очень мило с твоей стороны.

Тишина и стук колес, но мне уже не спалось. Кирилл хотел что-то спросить, но, похоже, не решался. Странно. Нере-

шительный Салманов – это что-то новое.

– Детка...

– Ммм? Я сплю, если что.

– Расскажи про Женю...

– Я все рассказала, – ответила ему после небольшой заминки.

Воспоминания о первом не самом приятном посещении игровой врываются в мой мозг, отравляют момент мыслями о Кирилле, который почти не общался со мной после наказания. Но это не страх и не боль, а скорее какое-то назидание. Я должна доверять ему, чтобы это не повторилось. Я не должна его обманывать, чтобы это не повторилось. Но я могу отделаться общими фразами, чтобы не пускать его дальше того, за что он заплатил.

Только вот не хочу. Потому что цену моей покорности Салманов измерил не деньгами. Или не только ими. Между нами что-то поменялось. Вчера ночью я поняла это совершенно четко, а сегодня весь вечер Кирилл и не думал это отрицать. Поэтому я была готова рассказать ему... *все*.

– Не все, – откликнулся Кирилл. – Мне кажется. Я должен знать все подробности, малыш.

– Разве адвокат не докладывает?

– Докладывает, но хотел бы узнать то, что ты знаешь.

– Меня там не было, Кирилл.

– Знаю. Но он тебе говорил что-то?

Я вздохнула.

– Они пошли с одноклассниками в клуб. Праздновали посвящение в студенты. Там были ребята с параллельного потока. Уже на улице они сцепились. У Женьки обострённое чувство справедливости. Он заступился за девушку из группы. Разумеется, все были нетрезвые. Женьке разбили очки. Он больше ничего не видел. Парень, который доставал девочку, попал в реанимацию. Он до сих пор не в состоянии что-то рассказать толком. Брат проходил свидетелем, а потом за ним пришли. Оказалось, что все изменили показания и указали на него. Женька велел мне нанять своего преподавателя для защиты, сказал, что доверяет ему.

– Гараев, – понял Кирилл.

– Угу. И он...

– Да, доверять мужику, который предложил тебе продать-ся в БДСМ клубе – так себе идея, – перебил Салманов.

Спорить с ним было сложно.

– Я поняла уже.

– А раньше не понимала? – огрызнулся Кирилл, разозлённый моим рассказом.

– Не знаю. На меня как затмение нашло. Женька запретил продавать квартиру. Сказал, что отсидит, если приговорят, и я не должна страдать.

– Герой, вашу мать, – снова рявкнул Кирилл.

– А что еще он мог сделать? – вступилась я за брата.

– Много чего, Дарин. Я вообще не понимаю твоих жертв ему во благо. Сначала ты бросаешь школу и работаешь с

шестнадцать лет, потом вот это вот все...

– У меня не было выбора.

– Выбор есть всегда.

– Ты не понимаешь, Женька, он же гений. Он должен учиться. Его на юрфак взяли без экзаменов, хватило ЕГЭ и олимпиады.

– А ты, очевидно, набитая дура. Прости, малыш, но это бред. Ты, конечно, не гений, особенно учитывая твои затмения, но и не конченная тупица.

– Спасибо. Польщена, – выплюнула я ядовито, злясь, что он не понимает.

– И не надо обижаться. Ты знаешь, что я прав.

– Ты всегда прав.

– Разумеется, но сейчас особенно.

Что там я думала о нашей близости и теплоте? Отменяется. Зануда опять меня бесил.

– Вообще, это мой вклад в собственное будущее, а никакая не жертва, – продолжала я гнуть свое.

Кирилл хмыкнул.

– Правда?

– Да, Женька выучится, будет зарабатывать миллионы и помнить, что обязан этим мне.

– О, какой тонкий расчет. Жаль, ты не заложила погрешность в виде срока в кутузке.

Я выпустила изо рта странный звук, одновременно фыркнув, всхлипнув и крякнув. Кирилл тут же сменил тон.

– Ладно, малыш, держи хвост пистолетом. Вытащим твоего гения.

– Тот парень, кажется, сын депутата. За него дадут по полной. И не только по закону.

– Это тебе Гараев сказал?

– Да.

– Он врал, Дарин. По делу твоего брата действительно есть странные движения, но это не со стороны потерпевшего. Хотя папа – да, весьма влиятельный и держит следствие на личном контроле.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

Я не стала спрашивать подробнее. Он бы не сказал, да и верилось почему-то. Салманов не производил впечатление обычного человека. С большими деньгам приходит власть и возможности. Денег у Кирилла было море со всеми вытекающими.

– С другой стороны, если бы не твоя привычка жертвовать собой во имя брата, я бы сейчас, скорее всего, летел и думал, стоит ли перепрятать Лизин труп или оставить ее закопанной под пятой елью в саду.

Я не сдержалась и прыснула. Снова повисло молчание. Мерный стук колес заполнял тишину так уютно. Я знала, что Кирилл не спит, и сама растеряла всю дрему. Мне нравилось просто знать, что он рядом. Это было очень странное, неприличное чувство. Эйфория, перемешанная с признательно-

стью, доверием и предвкушением. Где-то на фоне всего этого маячила горчинка. Год. Это всего на год. Возможно, даже меньше, если он наиграется. И я должна стать для него хорошей, служить с радостью, чтобы... Может быть... А вдруг... Если... Помечтать о том, что Кирилл не захочет меня отпускать, не удалось, потому что он проговорил:

– Мне было восемь лет. Мы с родителями возвращались с моря...

Я сглотнула. Кирилл говорил ровно, но я сразу же поняла, о чем сейчас пойдет речь. Сердце забилося под горлом. Он собирается рассказать мне про самолет.

– Мой отец достаточно известный художник. Мы всегда жили хорошо. Можно сказать, я вырос среди богемы и достатка. Каждое лето летали в Крым, на море. Не знаю, почему именно туда. Отец любит. Он и живет там с мамой сейчас. Я предлагал им переехать на Кипр или в Италию, но... – Кирилл сбился. – Впрочем, это их выбор.

Он замолчал, и я уже думала, что не начнет снова, но Кирилл заговорил.

– Самолет трясло турбулентностью очень сильно. За два часа никто даже в туалет не встал. Отец сидел, закрыв глаза, держал маму за руку, а она держала меня. И была тишина. Гробовая. Никто не кричал, не ругался, не плакал. Молились, наверно. Только стюардессы пытались делать вид, что все нормально. Но все знали, что нет. Даже я. Даже годовалый малец ни разу не пикнул. Мы сели аварийно. Уже потом

я подслушал родителей. У самолета отказал один двигатель, и при посадке чуть не развалилось шасси. Отец тогда сказал, что самой жуткое, это когда ты ничего не контролируешь, все в руках бога и пилотов. С тех пор я немного повернут на контроле.

– Немного, – фыркнула я, давась смешком.

– Да, самую капельку, – тоже с улыбкой уточнил Кирилл, но тут же со всей серьезностью сообщил: – Не выношу самолеты. Едва захожу на борт, ничего не могу с собой сделать. Потеря контроля, и балансирую на грани панической атаки.

– Это ведь лечится. Я читала. Есть какая-то терапия.

– Прошел. Помогло, но не сильно. Но польза была, да. Псих выписывает мне седативные, если нужно куда-то лететь. Ночной рейс, бизнес-класс, и я в отключке практически всю дорогу. Правда, разок тупил так, что не мог найти выход в город. Хорошо, что меня встречали.

– Мне жаль, – проговорила я, потому что искренне ему сочувствовала.

Каждый раз переживать этот кошмар маленького мальчика... Не позавидуешь.

– Спасибо, малыш, – проговорил Салманов.

В полутьме я увидела, как он свесил руку в проход между лежанками. Я коснулась ее своею, сжала. Кирилл ответил мне взаимностью. Уже знакомое тепло разлилось по груди, грея меня такими сладкими чувствами. И тут же захотелось перевести тему, чтобы он не циклился на негативе.

– Когда ты возьмешь меня в игровую снова? – выпалила я первое, что пришло на ум, но уже давно не давало покоя.

– А ты была плохой девочкой? – моментально сменил тон Салманов и стал щекотно поглаживать мою ладонь.

– Нет, Мастер, я была хорошей, – тут же включилась я в игру.

– О, хорошие девочки занимаются любовью под одеялами и тихо-тихо, а не навязываются к старым извращенцам в игровую.

– Ах, в таком случае я плохая, да. Хотя ты не такой уж и старый.

– Ахах, спасибо, сладкая. Тешишь мои седины. Но тебе рано в игровую.

Я обиженно вырвала руку и засопела.

– Конечно, как наказать, то не рано, а...

– А что? – перебил Кирилл. – Ты хочешь поиграть?

Я не стала отвечать. И так ясно. Вчерашний секс был классным, конечно, но сегодня мне хотелось больше. Хотелось быть на грани, испытывать себя, служа Кириллу, убаюливая его, подчиняясь и доверяя. Целиком и полностью.

Наверно, он болен и заразил меня своим недугом извращенца.

Ну и пусть.

– Я подумаю, что мы можем с этим сделать, – проговорил Кирилл, закрывая тему. – Спи, детка.

Не смея послушаться приказа, отчаянно стараясь не радо-

ваться раньше времени, я позволила стуку колес меня убаю-
кать.

Глава 5. Прием

Салманов

Когда она сказала, что хочет в игровую, я моментально забыл не самую приятную тему нашего разговора. Хрен с ним, с самолетом и моей фобией. Дарина хочет в игровую.

Нет, не так.

ДАРИНА. ХОЧЕТ. В ИГРОВУЮ.

САМА!

Ей-богу, думал, что у меня галлюцинации. Да, она говорила, что восприняла наказание как неизбежное возмездие, и я расценил ее желание надеть платье как демонстрацию смелости и смирения, но чтобы она вот так быстро пожелала играть со мной. Не в своей комнате, не в гостиной, не в машине, а именно в игровой. Это было неожиданно, немного странно, но при этом чертовски возбуждающе.

Я тут же велел Дарине спать, потому что лишь одна мысль о ней на коленях в игровой уже делала меня твердым и заставляла послать к черту ее дискомфорт после вчерашней безумной ночи. Я бы хотел всю ночь напролет объяснять под стук колес, что ее ждет в комнате сладкой боли и запретных удовольствий, но нам вставать через четыре часа, а потом пересаживаться и трястись в экспрессе до Москвы. И без ночных разговоров будет весьма непросто хорошо выглядеть на приеме.

Дарина все отлично придумала, и Коля уже отвез в офис мой костюм, а я заказал мастера, чтобы ее причесали и накрасили. К сожалению, у нас точно не останется времени, чтобы подремать, но я предпочитал зевнуть пару раз на приеме (там будет скучно все равно), а не переживать ад самолета.

Мы обязательно поговорим вечером, если она, конечно, не передумает за это время.

Я вспомнил слова Артура и понял, что действительно не могу относиться к Дарине как к купленной игрушке. Наверно, в меня так сильно впитались принципы БДСМ, что я не в состоянии мыслить как-то иначе. У нее ведь не было выбора. Она моя. Я мог бы не обращать внимания на отклик и восприятие Дарины, делать в игровой все, что мне нравится, без лишних глупых волнений.

Нет, не мог бы.

Я хотел продвигаться с ней медленно, по всем правилам, со всеми остановками и долгими обсуждениями, словно она была просто покорной, которая захотела меня. Я хотел, чтобы ей было хорошо, потому что ее удовольствие – мое тоже. И я настолько же принадлежу ей, как и она мне. В этом для меня всегда была магия взаимодействия Мастера и покорной. Правда, из-за моих заскоков и нетерпимости так и не вышло создать достаточно прочную связь, но даже эпизодические игры будоражили и волновали.

Кажется, едва я закрыл глаза, а уже пиликал будильник,

и проводница несла нам завтрак. Я съел только круассан из запечатанного пакета, и Дарина последовала моему примеру. Кофе вроде был натуральным, но, похоже, изрядно разбавленным.

В экспрессе с едой все оказалось намного лучше. Я не почувствовал рвотного позыва при виде каши, и кофе бодрил, призывая немного поработать в дороге. Дарина клевала носом, и я настоял, чтобы она подремала. Уговаривать не пришлось, очень скоро девочка засопела, а я окунулся в сводки, отчеты и аналитику, мысленно подводя итоги уходящего года, составляя план на следующий.

Коля встретил нас на перроне, забрал чемодан Дарины, и мы поспешили к парковке, чтобы поехать в офис.

– Ты вчера говорила серьезно про игровую или, как всегда, шутки, смех, веселье? – уточнил я, едва мы сели в теплый салон, который предусмотрительно прогрел мой внимательный водитель.

– Разве про игровую можно шутить? – изумлённо проговорила Дарина.

– С тебя станется, – буркнул я себе под нос.

– Я серьезно.

Дарина смотрела на меня прямо и открыто. Она не юлила и не дразнила, а действительно хотела этого. Хотела меня как Мастера. Вряд ли, конечно, понимала, чем все это ей может грозить, но само желание уже будоражило мне кровь.

– Мы поговорим об этом вечером дома, – пообещал я. –

Если, конечно, ты будешь в сознании. Хотя я не планирую задерживаться надолго.

– Хорошо, – покивала она.

Пока я разгребал самое срочное по работе, Дарина принимала душ. Она очень удивилась, когда прибыл мастер, чтобы привести в порядок ее волосы и наложить макияж.

– Я могла бы сама, – заявила девочка.

– Доверься профессионалу, – предложил я и тут же понял свой промах.

Дарина ведь тоже была мастером в салоне, а я так легко и непринужденно сравнивал ее навыки с плинтусом. Пришлось оперативно исправлять оплошность.

– Я не умоляю твоего таланта, детка. Просто позволь за тобой поухаживать и расслабься.

Она села в кресло, не ответив мне, а хмурая морщинка на переносице пропала только, когда я ласково ущипнул ее за подбородок и сам пошел в душ, сетуя, что не смог принять его вместе с ней. Дарина засмеялась мне в спину, крикнув:

– Не стыдно смущать мастера?

– Нет, – честно ответил я, обернувшись.

Моя девочка хихикала, весьма довольная собой, а вот специалистка по красоте стояла красная как помидор, усиленно делая вид, что она глухонемая.

Я усмехнулся таким переменам. Возможно, нам правда стоит приготовиться к игровой?

Я вышел из ванной уже полностью одетый. Дарина тоже

была готова и ждала меня у панорамного окна, глядя на вечерние огни столицы. Я моментально придумал первый экзаме́н для до́пуска в игровую. Пришлось поправить брюки и успокоиться. Сейчас не об этом. Бесшумно ступая, я прошел к своему столу, вынул бархатную коробочку из верхнего ящика, открыл, подошел к Дарине. Она вздрогнула, ощутив поцелуй на своей шее.

– Я очень доволен тобой, девочка. Ты была мила с моим другом и сделала скучную командировку в Казань незабываемой для меня. Спасибо.

Я снова поцеловал ее.

– Не за что, Мас... – Дарина осеклась, не договорив, потому что я положил на ее кожу цепь с подвесками и быстро застегнул замок сзади.

Цепочка была идеальной длины для этого выреза, а капельки бриллиантов уютно устроились на ее ключицах и в ложбинке между грудей. Лучше и быть не могло.

Дарина тут же прижала руку к груди, и я поспешил объяснить.

– Это мой подарок тебе. И моя благодарность.

– Мне хватило бы и благодарности, – скромно проговорила она. – Еще один подарок это слишком.

– Ты ставишь под сомнение мое решение, девочка, – мягко поддразнил я ее. – Если так будет продолжаться, я не пущу тебя в игровую.

– Нет, Мастер, я не сомневаюсь. Просто поражена вашей

добротой и щедростью. Спасибо. Могу я..?

– Конечно. Иди посмотри.

Она сбегала в ванную и вернулась через минуту еще более смущенная, чем прежде.

– Это... Это настоящий..? – Дарина даже не могла произнести вслух.

Пришлось самому.

– Да, это бриллианты и платина.

– Ох, – только и выдохнула она.

Я протянул бархатный бирюзовый мешочек, и Дарина окончательно потерялась. Я хмыкнул, понимая, что она узнала Тиффани по цвету. Не давая ей времени сконфузиться, приобнял за плечи и повел к выходу.

– Пойдем. Время уходит. Ненавижу опаздывать на такие мероприятия.

Дарина нервничала, когда мы спускались в лифте. Наверное, не стоило мне акцентировать ее внимание на подарке, и теперь она словно пыталась влезть в чужую шкуру, почти вибрировала от напряжения. В машине я положил руку ей на колено.

– Чего ты дергаешься?

– Ох, – вздрогнула она. – Ну, точно. Ты как Ричард Гир, а я проститутка Вивиан, которая летит в оперу. На ней драгоценности и платье, а она чувствует себя как корова в коньках.

Примерно это я себе и представлял.

– Ты не проститутка, и мы сто процентов никуда не поле-

тим. Особенно в оперу. Кажется, тебе нравилось это платье, и порадовало ожерелье.

– Это все очень дорого, Кирилл.

Началось. А я все думал – когда же?

– Детка, мы вроде бы обсуждали это в первые дни. Моя спутница должна быть одета по статусу. Не наряжать же мне тебя в бижутерию и тряпки из секонд-хенда.

– Но...

– И если опять собираешься каяться из-за тех денег, что сняла без спроса, я буду вынужден тебя выпороть прямо в машине, – повысил я голос, раздражаясь. – Мы со всем разобрались, и я не хочу сублимаций. Это понятно?

– Понятно, – Дарина опустила глаза. – Я поняла, Мастер. Простите.

– Если хотела спросить что-то еще, то давай, но по делу. Меня утомляет пустая болтовня и глупости.

– Как мне себя вести?

– Естественно.

– Как говорить?

– Вслух.

– Если я ляпну что-то не то?

– А ты больше помалкивай, отвечай просто, не дерзи, не кокетничай. Расслабься, Дарина, – я погладил ее коленку, успокаивая. – Ты говоришь красиво и грамотно, выглядишь превосходно и достаточно умна, чтобы не делать глупости. Даже чего-то одного бы вполне хватило, а у тебя полный па-

кет. Не отходи от меня без надобности. Я буду произносить речь. В это время будь за столом. Хорошо?

– Да, я поняла.

– Хорошая девочка.

Я погладил ее снова, поощряя, поддерживая, успокаивая.

Коля остановил, и тут же нам открыли двери. Я обошел машину и предложил Дарине локоть. Она взяла меня под руку, и мы пошагали вовнутрь. Огромный зал встретил ярким светом, шумом и звоном бокалов. Не успел я и шага ступить, как сразу же пришлось здороваться, останавливаться, жать руки, вежливо улыбаться и отвечать на вечные вопросы. Сначала о погоде, потом о настроении, делах, мягко переходя на финансовые темы.

Чаще всего я брал с собой Лизу, которая работала ширмой. Чтобы не начинать консультировать шапочных знакомых, я ссылался на то, что собирался познакомить свою даму с давним клиентом, просил прощения, потому что моей подруге хочется потанцевать, уходил от ответов из-за сухого горла, которое нужно срочно смочить шампанским и заставить мою тощую спутницу поесть хотя бы канapé с икрой.

Дарина с этой ролью справлялась не хуже. Она к тому же так любопытно оглядывала залу, что я отмазывался еще и экскурсией.

– Какой ты коварный тип, – раскусила меня Дарина после очередного побега из цепких лап полужнакомого человека. – Они все так жаждут с тобой общаться, а ты сбегашь.

– Они жаждут на халяву получить консультацию и срубить денег, а я признаю благотворительность только в пользу нуждающихся.

Дарина хихикнула.

– Да, тот дяденька не выглядит бедным и несчастным.

– У него небольшой нефтеперерабатывающий заводик.

– О.

– Ага. Тебе нужно поесть, – перевел я тему, подводя Дарину к столу с закусками. – Я совсем забыл об обеде. Ты, наверно, едва на ногах держишься.

– В экспresse был хороший плотный завтрак, и я захватила булочку оттуда.

– Тогда можешь выпить шампанского, но лучше не больше одного бокала.

– Хорошо.

Мы стояли и болтали. Дарина закидывала в рот крошечные канапе, а я рассказывал, какие еще мероприятия проводили в этом зале. Едва я обрадовался, что она перестала дергаться и расслабилась, как с лица моей спутницы за секунду пропала вся краска. Она стала белее ослепительной скатерти на столе. Ее взгляд был устремлен мне за плечо. Я поспешил обернуться.

– Добрый вечер, Кирилл Олегович. Какой приятный сюрприз, – поприветствовал меня Вадим.

– Добрый, Вадим Андреевич.

Я переместился, вставая рядом с Дариной, прижимая ее к

себе собственническим жестом, показывая Вадиму, что она моя. Только моя. Ему ли не знать? Ведь именно он продал мне Дарину. Но Вадик Злой, разумеется, рассчитывал, что я приведу ее в клуб. Слишком много желающих было поиметь мою девочку. И если не получилось забрать ее невинность, то хотя бы трахнуть или выпороть во время горячей сцены.

Вадим был со спутницей, и при людях он, конечно, не будет вести разговоры о клубе и наших сексуальных предпочтениях, но вот облапать Дарину сальным взглядом не постеснялся. А я поспешил завести отвлекающую беседу.

– В чем же сюрприз моего появления здесь? – улыбнулся я, перемещая руку по спине Дарины на ее шею, поглаживая и чуть надавливая.

Я здесь, девочка. Ты со мной. Ты моя. Не нужно бояться.

– Ах, да, Кир, это ведь твой фонд организовал вечер. Я забыл. А меня просили вести официальную часть, – отвечал Вадик, а сам так и пялился на Дарину.

– Я рад за тебя.

– Смотрю, у вас с Дарьей все отлично.

– С Дариной, – поправил я. – Да. Все хорошо. Спасибо.

– А к нам не заглядываете.

О, он даже не постеснялся озвучить, хоть и не прямым текстом.

– Не думаю, что это хорошая идея. Во всяком случае, сейчас.

Во время нашего милого разговора спутница Вадима не

подняла головы, смотрела в пол. Я никогда не любил такие игры на людях. Но... это его покорная, а не моя.

– Девочки по тебе скучают, Кир, – посетовал Вадик.

Думаю, его банковский счет скучал сильнее по моим ежемесячным объёмным перечислениям.

Дарина вздрогнула, и я снова погладил ее шею, чуть сдвинув пальцами цепь ожерелья. Это, конечно, не ошейник, но тоже напоминание, что она моя, и я доволен ею. У меня нет повода искать удовольствий на стороне.

Я весь твой, Дарина.

– Что поделать, Вадик, Дарина заперла меня дома и лишь сегодня разрешила выйти погулять. И то ради приема, а так сидеть бы мне привязанным к батарее.

Злой рассмеялся раскатисто и громко, абсолютно неприлично. Несколько человек, что стояли рядом обернулись, одарив его взглядами осуждения.

– Не знаю, поздравлять тебя или сочувствовать. Мы пойдем, пожалуй. Желаю приятного вечера.

– Взаимно, – откликнулся я.

Не успел я и слова сказать Дарине, как объявили начало официальной части. Это значило, что мне нужно идти на сцену.

Официант указал наш столик, и я вынужден был оставить Дарину. Она заламывала руки и сжимала губы.

– Не переживай, – шепнул я ей на ухо. – Все хорошо. Я быстро. Справишься?

Она покивала, но все еще была бледной и напуганной. Но я был рад, что она старается сдерживать эмоции и не говорит лишнего на людях.

По пути к сцене я попросил охранника обратить внимание на наш стол и позаботиться о спокойствии моей спутницы.

– Без проблем, Кирилл Олегович, – откликнулся шкаф в черном костюме.

Я поспешил исполнить долг. Уже пятый год подряд я проносил речь на предновогоднем благотворительном балу, который устраивал мой фонд. Мог бы говорить каждый раз одно и то же, но я предпочитал импровизировать. Это был своеобразный экзамен по риторике и ораторскому искусству, тест на обаяние. Каждый раз сдавал успешно.

Зрители смеялись, когда я шутил, проникновенно кивали в трогательных моментах и неизменно рукоплескали, когда я заканчивал словами:

– Наш фонд спешит помочь всем, кто нуждается в поддержке. Но не забывайте, что добрые дела начинаются не с денежного перевода на счет детского дома. Просто идите домой и любите свою семью. Это лучший вклад, что вы можете сделать для этого мира. Правда, сегодня попрошу вас не сдерживать себя. Начнем аукцион!

Овации.

Я сошел со сцены, раздавая по пути к своему столу рукопожатия, отвечая улыбками на похлопывания по плечу.

К Дарине никто не подходил. Она сидела за столом, пря-

мая как стрела, но все же чуть румяная и более живая, чем несколько минут назад. Я захватил два бокала шампанского по дороге. Ей нужно расслабиться.

Но, похоже, лучше алкоголя подействовало мое выступление. Едва присел за стол, Дарина проговорила мне на ухо.

– Это было невероятно.

Мои губы скривились в самодовольной ухмылке. Я взглянул ей в глаза, увидев в них неподдельное восхищение и... доверие?

– Спасибо, – ответил я кратко без фальшивой скромности, накрыл ее руку своей и повернулся к сцене, где уже объявили первый лот аукциона.

Вадим надрывался со сцены, расписывая лоты, уговаривая повысить ставку, стучал молотком как дятел, по поводу и без. Он, конечно, получал удовольствие от этого действа. Похоже, сам вызвался вести мероприятие. Я не был в восторге от этой встречи, а Дарина и подавно.

– Прости, я не знал, что он тут будет, – проговорил я ей на ухо.

– Ничего. Вроде бы мне не о чем переживать. Я скорее волнуюсь за тебя.

– Почему?

– Он может сказать, что ты меня купил.

– Он не скажет.

– Или намекнет, что я твоя...

– Покорная?

Дарина фыркнула.

– Шлюха, Кирилл. Полагаю, твоя репутация пострадает, если...

– Не пострадает. Вадим не скажет никому и никогда. Иначе его клуб просто перестанут посещать. Наше взаимодействие строится на доверии и тайне личности. Ты даже не представляешь, какие люди участвуют в сессиях. Часто используются маски, но и с ними лица весьма узнаваемы. Если только не наглухо закрыто, разумеется.

– Ты используешь маску?

– Для антуража иногда, но я не настолько медийная личность, чтобы прятаться. И ты не переживай. Мы просто пара.

– Да, я просто спутница неприлично богатого извращенца.

Дарина прикусила язык уже после того, как слова сорвались с губ.

– Если ты так будешь говорить со мной в игровой, твоя задница буде тесно дружить с моим кожаным ремнем, – пригрозил я, улыбаясь.

Надеюсь, она поймет.

– Но мы ведь не в игровой сейчас, – лукаво улыбалась мне в ответ эта лисичка.

О, да. Она понимает.

– Да, поэтому напомни отшлепать тебя в машине, непослушная девочка.

– Обязательно.

Румянец полыхнул на щеках, но глаза возбужденно блестели.

– Кирилл Салманов – очередной лот нашего аукциона. Вы ведь не откажите дамам в поцелуе, Кирилл Олегович?

Услышав свое имя, я с неудовольствием перевел взгляд на сцену. Возле меня вырос помощник со вторым микрофоном. Чертова традиция. Я протянул руку, чтобы ответить.

– Сегодня без меня, Вадим. Это традиция для привлекательного молодого богатого холостяка, а я поиздержался, подурнел и обзавелся подругой, – проговорил я в микрофон, стараясь не щуриться от света софита, что тут же направили на нас.

На огромном экране моментально возникли мы с Дариной. Зал захохотал, оценив мою реплику. А вот ведущий определенно не уловил посыл среди юмора.

– Брось, Кирилл, – настаивал Вадим. – Разве твоя очаровательная спутница не сделает исключение ради детишек-сирот?

Даже не взглянул на Дарину, отвечая:

– Уверен, моя спутница обязательно уступила бы тебе, но я самый нудный моногамист. Если пришел на прием с девушкой, то и целовать буду только ее. Старомодный, прости. Кажется, Андрей Разгуляев сегодня один...

Я указал пальцем на стол своего приятеля. Он тоже был в теме, но еще менее погружен, чем я. Баловался раз в год групповухами от тоски или кризиса среднего возраста. В

любом случае – пусть мается.

Камера тут же выхватила в фокус Разгуляева, который озирался, не понимая. Софит метнулся от нас к его столу.

– Что? – изумился Андрей. – Меня назначили холостяком года, потому что Салманов сдал? Черт, девочки, да я весь ваш.

Я засмеялся, понимая, что попал в десятку. Этот самодовольный павлин всегда пытался со мной соревноваться. Денег у него было чуть меньше, я полагаю, но вот связей и полезных знакомых и амбиций чуть больше. И девчонок он менял как перчатки. В общем, мы всегда были примерно на равных, но уделать меня Андрей не отказался бы за все прятники мира.

Разгуляев выпрыгнул на сцену, паясничая и кривляясь, стал предлагать себя. Дамы начали назначать цены, а Вадим снова застучал молотком.

Повернувшись к Дарине, я увидел на ее лице обожание и восхищение.

– Что-то хочешь мне сказать? – начал напрашиваться я на комплименты.

– Ты потрясающий человек, Кирилл Салманов. У тебя, кажется, на все готов ответ заранее.

– Я предвидел такой поворот событий, а еще не люблю, когда меня пытаются контролировать.

– Да, я понимаю.

Она улыбнулась и опустила глаза. Я взял ее за подбородок,

заставляя посмотреть на меня.

– Ты ведь не будешь пытаться так делать, Дарина?

– Никогда, – выдохнула она. – Мне жить охота.

Я засмеялся и поцеловал ее.

– Это правильный ответ, сладкая. Хочешь, уйдем? Официальная часть заканчивается после лота-холостяка. Я бы уже поехал домой.

– Да, я тоже, – закивала она. – С удовольствием.

Пользуясь тем, что всеобщее внимание привлек Разгуляев, мы потихоньку вышли из зала. Я вынул телефон и отправил Коле сообщение, чтобы закрыл перегородку и включил музыку. Он ответил мне мгновенно лаконичным «ок».

Я планировал начать обучение Дарины завтра, но не удержался. После нервной встречи с Вадимом и ее славных дразнилок я был просто обязан устроить маленькую сцену по дороге домой. Когда мы вышли на улицу, машина уже ждала нас. Я дал знак, что сам помогу даме, и помощник отступил. Но вместо того, чтобы открыть дверь, я прижал Дарину к крылу авто, поцеловал в губы. Глубоко, страстно, интимно. Толкнулся бедрами вперед, давая понять, что возбужден.

Она задрожала и, полагая, распахнутое пальто было ни при чем.

– Доверяешь мне? – шепнул я ей на ухо.

– Да, – выдохнула она.

– Все еще хочешь в игровую?

– Да.

– Хочешь служить своему Мастеру, девочка?

– Да.

– Я хочу, чтобы ты легла поперек моих колен, когда мы тронемся. И ни звука, Дарина. Я не желаю слышать стоны, всхлипы и прочее. Не говоря уже о словах. Только тишина. Если ослушаешься, мне придется тебя наказать. Поняла меня?

Я взял ее за подбородок, уже привычным жестом настраивая на сцену. Наши глаза встретились.

– Я поняла, Мастер.

– Хорошая девочка. Садись в машину.

Я открыл ей дверь, и сам пошел к противоположной. Уверен, на губах у меня застыла демоническая улыбка. Это будет долгая дорога домой.

Глава 6. Тихо и горячо

Едва Кирилл прижал меня к машине и начал целовать, я позабыла все свои тревоги и страхи. Осталось лишь горячее предвкушение, пикантное волнение и сладкий стыд. Я дрожала, понимая, что мы в самом центре Москвы, у всех на виду, и он целует меня, давая понять, что я его. Это было полное и тотальное подчинение. Без оглядки на аукцион, деньги, наши старые договоренности. Сейчас, на морозе и ветру я дрожала совсем не от холода, а потому что понимала, что подчиняюсь его власти. Целиком и полностью доверяю свое тело. И душу...

– Доверяешь мне? – шепнул Кирилл, опалая мое ухо горячим дыханием.

– Да, – выдохнула я вместе с паром свое желание.

– Все еще хочешь в игровую?

– Да.

– Хочешь служить своему Мастеру, девочка?

О, боже!

– Да, Мастер.

– Я хочу, чтобы ты легла поперек моих колен, когда мы тронемся. И ни звука, Дарина. Я не желаю слышать стоны, всхлипы и прочее. Не говоря уже о словах. Только тишина. Если ослушаешься, мне придется тебя наказать. Поняла меня?

Проклятье! Нужно молчать? Правда? Скорее всего, Кирилл будет делать то, что заставит кричать. Испытание. Со-
блазн. Нетерпение.

Скорее бы уже начать.

Я хотела проверить себя. Хотела этого экзамена. Хотела быть идеальной для его игровой. Для своего Мастера.

Кирилл прикоснулся к моему лицу, прося смотреть на него. Одним взглядом он пообещал, что я справлюсь, заверил, что не даст мне больше, чем я смогу выдержать, попросил верить.

Это было больше слов и крепче любых клятв. Я ответила:

– Я поняла, Мастер.

– Хорошая девочка. Садись в машину.

Я нырнула в салон, сразу заметив, что перегородка скрывает нас от Коли. Из водительской зоны тихо пела музыка. Я знала, что аудиосистема настроена так, что можно включить колонки зонально. Даже если буду кричать, наш водитель ничего не услышит. Но ведь мне нельзя кричать.

Все мысли разбежались, едва Кирилл сел в машину. Он устроился посередине сидения, и едва мы поехали, я улеглась, как было велено. Кажется, у меня сразу задралось платье, и я попыталась одернуть юбку, но тут же получила легкий шлепок по рукам.

– Не надо. Лежи спокойно, – проговорил он.

Я тут же оставила попытки прикрыть задницу. Действительно глупо было. Нужно сосредоточиться, настроиться.

Но лучше всего меня настроил сам Салманов, заговорив голосом Мастера.

– Повторяю еще раз только потому, что ты новичок. Не двигаешься без моего приказа и молчишь, пока я не велю обратного. Единственное исключение – если я спешиваю, в порядке ли ты. Тогда ты сразу же, незамедлительно отвечаешь. Максимально честно, Дарина. Кивни, если поняла.

Я подергала головой, изображая согласие и понимание.

– Хорошая девочка. Ну и, конечно, ты не кончаешь без моего разрешения. Я напоминаю в последний раз. В игровой эти правила действуют по умолчанию. Без подсказок.

Кирилл переместил меня чуть вперед, чтобы моя попа удобнее расположилась для его руки. Он тут же снял с меня трусики, проговорив:

– Нам это сегодня больше не понадобится.

Положив ладонь мне на попку, Салманов стал гладить. Я замерла, ожидая удара, или что он потрогает меня между ног, но мы ехали, а Кирилл просто ласкал мою задницу, даже не пытаясь потрогать там, где я уже вся горела, или тугой вход, который он так любил растягивать.

Меня уже начало клонить в сон от выпитого шампанского и усталости. Все-таки ночная дорога и суматошные сборы давали о себе знать. Звонкий шлепок по заднице пробудил и взбодрил мгновенно. Я дернулась и чуть не ойкнула, вовремя прикусив губу.

– Ты решила отдохнуть по дороге домой, девочка? – из-

девательски хмыкнул Кирилл. – После всего, что сделала?

А что я сделала?

– Маленькая хулиганка.

Он шлепнул меня снова, заставляя вздрогнуть. Это было не больно. Я не первый раз чувствовала ладонь Кирилла на своей заднице и, признаться, уже соскучилась по эротической порке.

Салманов отвесил еще три затрешины по разным местам, и мне захотелось завывать от теплой, едва ощутимой боли. Он и половины желаемой силы не вкладывал в удары. Если бы я могла говорить, то попросила бы сильнее или надерзила бы, провоцируя его. Но на моих губах висел виртуальный замок, и я только зажмурилась, понимая, что это будет то еще испытание.

– Ты считаешь, дразнить меня во время приема это хорошо? А? Думаешь, можно пользоваться тем, что я не могу перекинуть тебя через колено при всех, чтобы выпороть?

Он снова и снова дарил мне слабенькие удары, явно готовя к большему.

– В следующий раз я не буду ждать, а отшлепаю тебя прям в уборной, Дарина.

О, да, черт!

Я возбуждалась еще на улице, когда он целовал меня и говорил властным грудным голосом, отдавая приказы, а это обещание вовсе заставило отзываться ноющей болью внизу живота. Я снова проглотила стоны, но не сдержалась и чуть при-

подняла попу.

Кирилл ударил сильнее.

– Не надо вилять тут своей задницей, девочка, – рыкнул он. – Что это еще значит? Хочешь больше? Может, этого?

Он провел двумя пальцами от входа к клитору, размазывая смазку.

– Ох, тебя заводит это, да? Вся такая влажная, готовая. Хочешь, чтобы тебя трахнул?

«Да, да, да», – хотелось орать мне на всю машину, наплевав на приличия и стыд, но я лишь прикусила костяшку пальца, и часто заморгала. Едва сдержала всхлип, когда Кирилл убрал руку, толком не коснувшись клитора.

Он снова стал меня шлепать, даря уже более ощутимые удары.

– Мне так нравится твоя круглая розовая попка, малышка. Ты хорошо занималась в зале.

Он скользнул в меня пальцем, и я задержала дыхание от предвкушения удовольствия, но Салманов тут же вынул его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.